

Секретарь демона, или Брак заключается в аду

Автор:

Марина Комарова

Секретарь демона, или Брак заключается в аду

Марина Сергеевна Комарова

Любовь внеземная (АСТ)

Брак заключается на небесах? Как бы не так! Иначе почему потом столько проблем в семейной жизни? Ответ на этот вопрос и многие другие я узнала, когда попала на работу секретарем в брачное агентство «Асмодей» и получила сразу трех начальников. Страсти кипят, работа не стоит на месте, всем обратившимся нужно отыскать пару. А мне регулярно шлет подарки таинственный незнакомец, и с этим надо срочно разобраться!

Марина Комарова

Секретарь демона, или Брак заключается в аду

© М. Комарова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

С огромной благодарностью: за подачу неповторимых образов – Петру Александровичу Величко, за поддержку и работу над текстом – Ирине Успенской и Дане Арнаутовой

Глава 1. Здравствуйте, я ваша Ада

– Кандидатка номер тринадцать! – прогрохотал голос.

– Твой час настал, детка, – проворковал мне на ухо бес-искуситель и закурил лавандовую сигаретку.

Я сделала глубокий вдох и уверенным шагом вошла в кабинет генерального директора брачного агентства «Асмодей».

Что? Почему брачное агентство с таким названием? Видите ли, дело в том, что оно находится в аду. Но подробности я вам расскажу попозже.

Итак, их было трое. Они сидели за массивным столом и смотрели прямо на меня. Харизматичный брюнет, рафинированный платиновый блондин в очках с таким выражением лица, словно его заставляли отбывать тут повинность, и совершенно неотразимый рыжий с изумрудной серьгой, расстегнутым воротником рубашки и закатанными рукавами.

Интересно, кто из них главный?

– Добрый день, Ада Адольфовна, – вкрадчивым голосом с едва уловимой сексуальной хрипотцой сказал брюнет и указал на стул с пурпурной велюровой обивкой: – Присаживайтесь.

– Диас, Фейрос и Азмус, – лениво указал длинным пальцем с загнутым когтем мой бес. – Слева направо. Родные братья, будь они неладны. Лучше обращаться «господа Эрайросы». Им так, понимаешь ли, больше нравится.

Мысленно я вознесла хвалу всем богам и демонам, которые могли стоять за моей спиной и вовремя обеспечили таким помощником, невидимым для чужих глаз.

– Добрый день, господа Эрайросы, – улыбнулась я, опускаясь на стул.

Диас посмотрел на мои губы, потом на грудь. Азмус оценил бедра, обтянутые юбкой-карандашом очень и очень хорошего кроя. Фейрос вообще посмотрел как на стенку. Не по женщинам, что ли? Ладно, нельзя так сразу думать плохо о людях, даже если они демоны.

– Итак... – Диас посмотрел на мое резюме, которое секундой раньше вытянул из красной папки с логотипом в виде сердечек с рожками и кокетливыми хвостиками. – Вы хорошо ознакомились с нашими требованиями к кандидатуре на должность секретаря брачного агентства «Асмодей» и решили, что подходите?

– Да, конечно, – ответила я, даже не поведя бровью.

Отбросила белокурый локон и изящно закинула ногу на ногу, чтобы работодатели как можно скорее прониклись таким важным критерием секретаря, как длина ног. И остальными тоже, но это постепенно.

– Отлично, – обаятельно улыбнулся Азмус, отбросил косую огненно-рыжую челку и посмотрел на меня зелеными глазами. – В таком случае мы смело можем задавать вопросы без опасения смутить вас?

Он поставил локти на стол и подпер подбородок, не сводя с меня взгляда. Хорош, мерзавец. Как он еще не женат? Хотя что это я? Сотрудникам «Асмодея» такого добра хватает на работе, им нужно свой досуг иначе устраивать.

– Здесь написано, что у вас опыт работы в сфере брачных услуг – пять лет, – тем временем сказал Диас. – Да еще и на одном месте. Почему ушли?

– Переросла уровень, – невинно ответила я, пару раз для убедительности хлопнув ресницами. – Хочу развиваться и совершенствоваться в своем деле.

Фейрос издал звук, напоминающий презрительный смешок. Да уж, кажется, в моей бессолевой диете больше пикантности, чем в нем.

– Вы хороши собой, Ада Адольфовна, – вклинился Азмус. – Скажите, почему вы не замужем?

– Не берут, – искренне ответила я.

– А вы всех спросили? – спросил он таким тоном, словно готов был прямо сейчас отправиться со мной в ЗАГС.

– Пожалуй, болтливость не лучшее качество хорошей жены, – осторожно ответила я, припомнив уроки моей любимой тетушки Сарабунды.

Азмус откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову, на красивых губах появилась улыбка. Доволен ответом, видно, что доволен. Еще бы как-то покультурнее пялился в вырез моей блузки, вообще бы цены ему не было.

– Проверяет, – шепнул на ухо бес, – изучает реакцию. Но даже демоны страсти не рискнут на тебе проводить свои эксперименты. Так что будь спокойна.

Конечно, спокойна. Знаю, что не могут. Ведь у меня есть секрет, а у них – нет.

– Как относитесь к ненормированному рабочему дню и сверхурочным часам? – поинтересовался Диас.

– За достойную оплату – с удовольствием, – с придыханием ответила я, преданно посмотрев ему в глаза.

Диас и Азмус рассмеялись.

– Хорошо ответила, – одобрил бес.

Я улыбнулась уголками губ. Это же не рай, в конце концов, где принято вкалывать за доброе слово и во благо народа. Здесь, у демонов, куда более понятный прайс-лист, поэтому и меньше претензий в плане «я к вам со всей душой, а вы почему-то забесплатно».

– Мне она нравится, – искренне сказал Азмус.

Диас чуть задумался, потом кивнул. Фейрос посмотрел бледно-голубыми льдистыми глазами сначала на одного брата, потом на второго.

- Вы знаете о штрафах? - вдруг спросил он, по-прежнему глядя на Азмуса.

- Ну, понеслось, - философски отреагировал бес. - Покажи им, детка.

- Знаю, - ответила я.

- Про увольнение за прогулы и некачественную работу?

- Да.

- Что мы работаем до последнего клиента?

- Да.

- О неразглашении внутренней информации?

- Да.

- Вы девственница?

- Немножко.

На меня одновременно посмотрели три пары глаз: янтарно-карие, зеленые и бледно-голубые.

Бес похихикивал в кулачок. Потом прокашлялся и снова достал лавандовую сигаретку. Ужас, где он набрал всего этого? Неужто хозяйку квартиры ограбил? Надо бы за ним присмотреть.

- Немножко, Ада Адольфовна? - приподнял бровь Диас.

- Это как? - оживленно поинтересовался Азмус.

И только Фейрос остался неподвижным, словно вовсе позабыл, зачем тут находится.

– Видите ли, – осторожно начала я, наслаждаясь эффектом, – дело в том, что я из другого мира...

Месяц назад

– Ада, пошли! – крикнула Жанка. – Хватит уже на себя смотреть, и так красотка! А то нас за опоздание заставят какое-нибудь непотребство в качестве штрафной отчебучить!

При этом она сама крутилась возле зеркала, поэтому замечание было как минимум нелогичным. Но спорить с женщиной после шампанского? Нет-нет, поверьте, не стоит. И когда есть повод, и когда нет. Правда, у нас он был, все же Жанне Аркадьевне Зубрис, хорошему адвокату, роскошной женщине и моей доброй подруге, стукнуло тридцать три года. Согласитесь, такое не каждый день бывает!

Я специально пришла пораньше, чтобы поздравить ее перед официальной частью с кучей коллег и родственников, и вот, кхм, нарвалась на стихийный фуршет. Жанна и ее кавалер (имени, хоть убейте, не помню, Жанка слишком часто их меняет) решили немного «сделать настроение».

Настроение сделали, такси вызвали, кавалер спустился во двор покурить и подождать дорогих дам.

– Я готова, – возвестила Жанна, поправив черный локон, и еще раз придирчиво изучила линию безупречно накрашенных алых губ.

– Я тоже, – кивнула ей, – идем. А то твой парень найдет себе новую красотку.

– А я найду нового парня, – глазом не моргнула Жанна. – Мужчины, знаешь ли, явление сезонное. То они есть, то нет. Радоваться особо не стоит, но и огорчаться тоже. Однако сети всегда лучше держать наготове.

Не возразишь, какая-никакая, а женская мудрость. Особенно для одиноких барышень слегка за тридцать.

Мы спустились по лестнице и оказались на улице. С неба падал мелкий снежок, присыпая кокетливо поблескивавший лед. Зима у нас, в Одессе, шикарная, что тут рассказывать. Снег, дождь, дождь, гололе-е-ед. А потом шипы на сапоги, цветные носки поверх ботинок... ну очень шикарная зима. Поэтому шубы тут носить можно, но надо учитывать, что они будут страдать. От частого контакта с дорогой, тротуаром и промерзшей землей. Ибо пробегать всю нашу зиму и ни разу не упасть - очень завидное качество, которым, увы, обладают далеко не все.

Но Жанна с упорством старой девы на танцах надевала шубы и, гордо выпрямившись, шагала по заледеневшим дорожкам. В этот раз я тоже поддалась искушению и надела манто. Правда, успела себя уже пару раз выругать. Красиво-то красиво, но тепло только местами.

Кавалер стоял возле подъехавшего такси и терпеливо ожидал нас.

- Я пригласила к себе нашего зама, - шепнула Жанка, - такой импозантный мужчина. И одинокий. Познакомишься с ним. А там как пойдет.

Новость придала хорошего настроения. В целом вкус по части представителей сильного пола у нас совпадает, а значит, опасаться мне нечего.

- Хорошо, - ответила я, - посмотрим твоего зама.

Жанка хихикнула, но тут же очаровательно улыбнулась своему мужчине, который, кажется, уже откровенно начинал скучать, но еще пока держал лицо.

- Осторожнее тут, - предупредила подруга, - видишь, тут сильно раскатали. Чтоб не поскользнуться...

- А? Где? А-а-а!

Нога поехала настолько быстро, что я не успела сообразить, как рухнула на землю. Голова тут же заболела от удара, а несчастный бок загорелся огнем.

Дыхание перехватило, я быстро зажмурилась и охнула. И вдруг поняла, что вокруг стоит мертвая тишина. Ни Жанка не кинулась ко мне, ни ее мачо.

«Что за ерунда? – подумала я. – Ведь Жанна никогда не пройдет мимо, поможет и бабушку через дорогу перевести, и ребеночку, потерявшемуся в магазине, родителей отыскать. А тут я распласталась на льду – и никакой реакции!»

Не успела проскочить последняя мысль, как на меня обрушилась целая лавина звуков: смех, громкие голоса, звук транспорта и некая какофония, в которой сразу было тяжело разобраться.

А еще почему-то стало жарко.

– Милочка, комната не интересует? – раздался надо мной женский скрипучий голос.

Я попыталась встать, но перед глазами заплясали черные точки, поэтому пришлось ограничиться сидячим положением.

Так, у меня галлюцинации. Я, кажется, ударилась головой. Сильно.

Узкая улочка, залитая лучами нестерпимо яркого солнца, вилась среди покосившихся домишек. Домишки, синие и красные, зеленые и желтые, теснились под бочком друг у дружки и с любопытством взирали на меня глазами-окнами разных форм и окраски.

Возле меня стояла смуглая старушенция в оранжевом платье, соломенной шляпке с цветами, в круглых очках и с внушительной сигарой, зажатой в уголке рта. На плече старушки сидел натуральный чертенок и размахивал чупа-чупсом.

– Я говорю, – повторила она, – комната не интересует?

«Что это, как не галлюцинации? – промелькнула философская мысль на краю сознания. – Бабушки с чертятами просто так не привидятся».

Однако под цепким и очень внимательным взглядом черных глаз собеседницы я все же произнесла:

– А что вы можете предложить?

Профессиональный рефлекс сработал даже тут. Сначала выясни, что дают, а потом кричи, что не надо. Или не кричи. Все по обстоятельствам.

– Хорошая комната с видом на залив, добродушные соседи, добрая хозяйка, умеренная плата. И это... шубу-тоними, здесь она тебе нужна как рыбе зонтик, я говорю.

В этом был резон. К тому же протянутая сухая ручка старушки оказалась неожиданно крепкой, а хватка – цепкой. Оказавшись на ногах, я быстро сняла мантию и перекинула его через руку. В шерстяном платье тоже не фонтан, но все равно как-то получше.

– Где я? – наконец-то задала я тот самый верный вопрос, который стоило задать сразу.

Местность я совершенно не узнавала, но, как подтверждали ощущения, это была самая настоящая реальность, а не галлюцинации и грезы.

– Так в аду, милочка, – невозмутимо сообщила старушка, выпустив кольцо ароматного дыма.

– Где? – оторопела я, решив, что ослышалась.

Ну или просто это такая фигура речи, всяко может быть.

Чертенок, сидевший у нее на плече, закатил глаза и тоненько что-то застрекотал.

– Вот даже не начинай! Видишь, девочка только с неба свалилась, головой ударилась, а ты тут неприличные вещи рассказываешь!

Я смотрела на них, потеряв дар речи.

– Милочка, тебя, кстати, как зовут? – поинтересовалась она.

– А... Ада, – выдавила я, глядя, как чертенок сполз по ее руке, закурил и деловито направился к лавчонке у покосившегося красного домика.

– А меня зови тетушкой Сарабундой, – весело сказала она, ухватила меня за запястье и потянула за собой. – А теперь слушай и запоминай, мы-то вас постоянно видим, а вы каждый раз как свалитесь, так крики, паника и «как я здесь оказалась?». Ну и все такое...

– Постоянно? – переспросила я, едва успевая бежать за нею на каблуках по мощенной брусчаткой дороге.

– А то как же! – важно покивала тетушка Сарабунда. – Все к нам попадают из верхних миров. Сначала верещат, домой просят, а потом ничего, обустраиваются. Сама понимаешь, ничем особо это местечко от вашей родины не отличается. Приспосабливаться надо так же, как и везде. И ты, судя по наряду, или сама не дура, или пристроилась хорошо. Что, по сути, тоже как дуру тебя не характеризует.

– Ну, спасибо на добром слове, – пробормотала я, глядя под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть.

– Да не за что! – тут же душевно отозвалась она. – Все такие мелочи, милочка, я говорю. Правда, соседи у меня немного экзотичные, но это ничего, в конце концов, они местные, а местным можно все, сама увидишь.

– Мне бы домой, – робко внесла я предложение, вклинившись между ее репликами.

– Домой не положено, отсюда домой не попадают, билет в один конец!

– Как в один? – ужаснулась я.

– Не суетись, – тут же успокоила тетушка Сарабунда. – Думай холодной головой, даже если тебе припекает задницу.

Переваривая совет, я сообразила, что стою в уютном внутреннем дворике. Посредине расположился фонтан, рядом – деревянная беседка, увитая

виноградом. В нескольких шагах от нее находилась скрипучая розовая карусель, которую старательно раскручивали жизнерадостные бутузы. Дети как дети, кстати. Немного перемазанные мороженым и с громким визгом прыгающие у качелей, но вполне обычные.

– Детки с другой стороны улицы прибежали, ты не пугайся, – зачем-то сказала моя собеседница.

Дворик чем-то напоминал наш одесский. Двухэтажные дома, несколько внутренних лестниц, спускающихся прямо во двор. И, зуб даю, множество глаз, которые наблюдают за нами из окон.

– Сарабунда! – донеслось сверху. – Кого ты привела?

Я подняла голову и увидела перегнувшуюся через перила хлипкого балкончика с химерами даму цыганской наружности и впечатляющего объема. Большие черные глаза, крючковатый нос, родинка над верхней губой, подбородок... двойной. Но элегантный. Черные кудри, такие, что аж зависть берет. На удивление длинная шея, внушительная грудь и... внушительное все остальное. Возраст определить сложно, но явно давно минули трепетные восемнадцать, несравненные двадцать пять и приувядшие сорок восемь. При этом на лунообразном лице не было ни намека на морщины, а в волосах ни серебришки. Наряд женщины – нечто цветастое, яркое и широкое.

– Цира, это Ада! – громко крикнула тетушка Сарабунда. – Она теперь тут будет жить.

– А-а-а, хорошо. Только скажи ей, чтобы зашла ко мне, я ей погадаю. И пусть не берет мою сковородку из замороженного чугуна, она очень дорого стоит!

– Хорошо! – махнула рукой Сарабунда и тут же буркнула под нос: – Больно тебе нужна та ее сковородка, купила на райской распродаже и носится как с писаной торбой, я говорю.

– А почему вы решили, что я тут буду жить? – поинтересовалась я, переступая через развалившегося на дорожке жирного рыжего кота.

– Мр-р-р, – отреагировал кот и презрительно дернул лапой.

– Извините, – пробормотала я, стараясь не наступить на пушистый хвост.

– Каждый человек должен где-то жить, – невозмутимо ответила тетушка Сарабунда. – Разве я не права? Осторожнее, тут ступеньки с дырками.

– Правы, конечно, – согласилась я, – только дом у меня не здесь.

– Теперь будет здесь, – ни капли не смутилась она. – Вот эта дверь, смотри, какая миленькая.

После ступенек с дырками, сквозь которые можно было разглядеть траву, камни и муравейник, на дверь было страшновато смотреть. К тому же в какую-то секунду мне показалось, что за нами наблюдают еще внимательнее. И этот наблюдатель – мужского пола. Потому что так «раздевать» взором умеют только мужчины определенного статуса, определенного возраста и определившиеся с женщиной.

Дверь и правда была миленькой, чего уж там. Аккуратненькая, чистенькая, с изящной ручкой, витым карнизиком и, неожиданно, кодовым замком.

Тетушка Сарабунда быстро набрала комбинацию, дверь приглашающе распахнулась.

– Идем!

Меня снова ухватили за руку и втянули в коридор.

Не успела я ступить пару шагов, как на меня вдруг что-то напрыгнуло, впечатав спиной в стену.

– А-а-а! Спасите! – взвизгнула я, рефлекторно выставив руки, однако их тут же прижало к бокам, словно кто-то сгреб меня в стальные объятия.

– Уи-и-и-и! – раздался радостный визг, от которого у меня все внутри похолодело, потому что я никогда раньше не слышала таких звуков.

– У тебя совесть вообще есть? Или ты где-то ее потерял? – раздался возмущенный голос тетушки Сарабунды. – Кто так встречает гостью?

– Уи-и! – тут же прозвучало уверенно, и когтистые пальчики погладили мою щеку.

Погладили на удивление ласково, так, что не появилось желания дернуться, а, наоборот, захотелось ощутить это снова. Будто любимый котик лапкой тронул щеку.

И тут же я озадачилась возникшими ассоциациями. Хоть животных и люблю, но подобных мыслей не возникало никогда. Определенно последние полчаса не идут мне на пользу.

– Не верещи, – сурово сказала тетушка Сарабунда. – Слезь немедленно с девочки, она только сюда попала. Не хватало еще, чтобы решила, будто у меня тут живут свиньи, а не бесы.

Если она думала, что сказанное сделает ситуацию легче, то глубоко ошибалась. Фантасмагория какая-то! А бежать некуда – меня кто-то держит!

Щелчок выключателя – и небольшой коридорчик тут же озарило вполне привычным электрическим светом. Зеркало, шкаф, полки, плетенные из лозы, на которых стояло множество керамических фигурок. Ну... мне так показалось.

Но все это я увидела за долю секунды, потому сейчас важнее было рассмотреть совсем не это, а того, кто повис на мне, словно на родной-дорогой мамочке, которая вернулась из годичной экспедиции в Антарктиду.

Оно было ушастое, большеглазое и умильное до слез. Все мохнатое, черное, с маленькими рожками на голове. А еще тяжелое. Если бы не стенка за спиной, то я бы точно шлепнулась назад.

– Уи-и-и, – уже совершенно убежденно заявил он и посмотрел на тетушку Сарабунду.

– Это кто? – осторожно спросила я, все же подхватив его под ноги.

– Это? – уточнила она, подошла, отодрала от меня возмущенного жителя квартиры и поставила на пол. – Это бес-искуситель. Пока еще не очень опытный, я совсем недавно его из питомника вывела, чтоб малость пообжился. А он пристаёт к красивым девушкам!

– Бес? – хлопнула я ресницами.

– Бес, милочка, – кивнула она. –хлопотное это дело – разводить бесенек, но я люблю животных, они такие лапочки.

Я покосилась на «бесеньку». Тот, услышав про животное, мигом насупился и демонстративно отвернулся, махнув тонким хвостом с миленькой кисточкой на конце. А потом протяжно вздохнул и повесил уши. Мне почему-то тут же захотелось подойти и сгрести его на руки, покачать, дать чупа-чупс и утешить. Ну прямо как племянника Жанки, который своей жалобной мордашкой всегда поражал в самое-самое мягкое и доверчивое женское сердце.

– Ты ему не верь, притворщик еще тот, – хмыкнула тетушка Сарабунда, – чуть что – и сразу начинается вот это вот «ах-я-страдаю».

– Бе-бе-бе, – лаконично отозвался бес, не поменяв положения.

– Но обычно они так реагируют на тех, кого себе выбрали, – как ни в чем не бывало сказала она и поманила меня за собой в комнату.

– Выбрали? – переспросила я, косясь на сидевшего бесенка и следуя за ней.

– Ну да. Думаешь, бес-искуситель и ангел-хранитель – сказки? И тех и других специально выводят, растяг, развивают, учат и только пото-о-ом выпускают в люди. В смысле, к людям. Тут, конечно, их тоже хватает, но у вас в них постоянная потребность.

Потребность? Кажется, по моему лицу было все понятно, потому что тетушка Сарабунда тут же пустилась в объяснения:

– Ну конечно! Не могут же высшие все время следить за вами! У нас тут свой мир. Кстати, он разительно отличается от этих ваших представлений про ад и

рай. Но кое в чем вы правы. Ой. Что это я! Есть хочешь?

Решив, что, коль предлагают, отказываться не стоит, я кивнула. Даже если накормит грибами-галлюциногенами, то после случившегося они мне не навредят, наоборот – придадут некой легкости восприятию.

– Сначала займемся едой, а там будет видно. И не стой ты уже словно на смотринах!

С этими словами она живенько направилась на кухню. Я сделала глубокий вдох. Спокойно, Ада, не надо так нервничать. Все равно это делу не поможет. Но, кажется, ты плотно попала. Или глубоко? А, неважно.

Пока что я понимала, что ситуация из ряда вон выходящая. Если выдастся шанс рассказать ее кому-то из знакомых, сочтут сумасшедшей. Ну ладно, после взгляда на грудь и прочие нужные округлости – очаровательно тронутый.

Однако это никак не успокаивало. Хватит философствовать. Надо разобраться в ситуации и начать с кухни – прекрасное решение.

Но стоило только мне сделать шаг вслед за тетушкой Сарабундой, как вмиг бесенок с разбегу запрыгнул ко мне на руки и выдал триумфальное:

– Уи-и-и-и-и!

Глава 2. Большой великолепный М

Итак, прошло два дня.

Уже целых два дня я находилась в другом мире. Сразу это принять было сложно, но иного выхода не оставалось. Здесь было тепло, сытно, весьма сухо и комфортно.

Я сидела на подоконнике и поливала плетоядни – хищные цветы тетушки Сарабунды. Цветы чем-то напоминали наши венерины мухоловки, только имели яркий розовый окрас и очень широкие листья.

При этом питались исключительно тем, что готовила тетушка. Насекомые их не интересовали, так как, по их же словам, можно подхватить какую-нибудь гадость и потом иметь бледный стебель и листья в пятнышках.

Да, цветы разговаривали. Это меня тоже поразило, но после бесенка, висевшего на мне, словно детеныш коалы, уже как-то не очень.

– Им иногда надо сказки читать, – однажды поделилась тетушка Сарабунда во время приготовления ужина, состоящего из поджаренного мяса, картофеля и мелких сладких помидоров со множеством специй. – А то в серые будни они начинают вянуть.

– А у вас тут бывают серые будни? – поинтересовалась я, усаживая бесенка рядом и повязывая на него салфетку.

Тот сразу потянул лапки к нарезанной сырной лепешке и принялся усердно чавкать.

– Конечно, – кивнула тетушка Сарабунда, – они же трепетные интеллигенты, что с них взять.

Бесенок выразительно хрюкнул и с блаженным выражением мордочки откинулся на спинку стула.

– Не то что этот, – тут же хмыкнула она. – Кстати, как освоится, сам тебе назовет свое имя. Но пока придется звать «эй, ты» и отгонять «пшел отсюда».

Я внимательно выслушала, заметив, что объект обсуждения дернул ухом и тут же сладко засопел...

И вот теперь, сидя на подоконнике и держа в руках лейку, я прокручивала в голове наш разговор. Значит, получалось следующее. В тот момент, когда мы с Жанкой направлялись к машине, произошел пространственно-временной сбой.

Такое бывает постоянно, просто у нас об этом обычные люди не знают. Условно существует три мира: Верхний, Срединный и Нижний. Тот, что мы называем раем, находится в Верхнем. Но это всего лишь маленькая часть, далеко не весь. Срединный – наша Земля. Разумеется, опять же – часть. И Нижний – ад. Бывает, что грани миров истончаются, и тогда жители могут попадать из одного в другой. При этом обычно из Срединного в Нижний. Чтобы вспорхнуть в Верхний, нужно очень постараться.

Истончение граней – явление необъяснимое. Как с ним бороться, пока не придумали. По словам тетушки Сарабунды, вроде бы пытаются, но в основном всеми разработками занимаются в Верхнем мире, а здесь и так все довольны жизнью. К тому же всегда рады гостям, потому что можно узнать что-то новенькое (и хорошо заработать), пообщаться с интересным существом и внести разнообразие в свою и без того развеселую местную жизнь (и опять хорошо заработать).

Качества бедного попаданца ни на что не влияют. И я в так называемом аду оказалась не за свои грехи, а из-за аномалии, которая любит пошалить.

Тетушка Сарабунда и подобные ей давно привыкли, что среди бела дня вам может легко кто-то свалиться на голову. Идешь, никого не трогаешь, и тут – бац! – подарок мироздания.

Кстати, действительно подарок. Потому что прибывшего можно взять под свою опеку, встать на учет в Центр помощи рухнувшим (кажется, называется несколько иначе, но суть именно такая) и получать материальную помощь. На первое время, так сказать. За неоценимую помощь, принесенную миру в том плане, что рухнувший не навредит этому закутку Нижнего мира в особо крупных масштабах. Короче, за предохранение от беды.

Попасть назад невозможно. Во всяком случае, из того места, где я умудрилась очутиться.

– Ты меня зальешь, – гнусаво протянул один из цветков. – Перестань уже.

– Прошу прощения, – повинулась я, быстро убрав лейку.

Цветок только вздохнул и погрозил мне листом. Я быстро поставила лейку и прыгнула с подоконника.

- Не ворчи, - хмыкнула я, - придет тетушка Сарабунда, покормит вкусненьким.

Ответить мне ничего не успели, потому что во внутренний двор под сопровождение громкой музыки вдруг въехала роскошная белая машина с открытым верхом. Мы с цветком тут же позабыли о разговоре и синхронно посмотрели вниз.

За рулем сидел невероятно красивый мужчина. Смуглый, статный, в модных темных очках и с очаровательной улыбкой на губах. Черные и чуть вьющиеся волосы стянуты в хвост, в левом ухе - серьга. Он грациозно вышел из машины, хлопнув дверцей. Но не громко, а исключительно рассчитывая произвести эффект на окружающих. Одет он был в белую шелковую рубашку, полурасстегнутую на мускулистой груди, в белые же брюки и модные туфли. На правом запястье - браслет. Смотреть приятно... Весь такой - итальянская небрежность и турецкая притягательность.

«Любит произвести впечатление и покрасоваться», - тут же определила я, но по-прежнему не могла отвести взгляда от знойного красавца.

Интересно, к кому такой приехал?

Учитывая, что познакомили меня пока с одной Цирой и то в самый первый день моего появления, делать выводы было сложно.

Красавец неожиданно поднял голову и посмотрел прямо на меня. Секунда, две, три... Сердце дрогнуло, тело окатило волной жара.

Я почувствовала, что щеки заливают румянец, и невольно отшатнулась от окна. Успела заметить, что на миг глаза мужчины вспыхнули рубиновым светом, а на губах появилась довольная улыбка.

Не теряя больше времени, он быстрым шагом направился к лестнице, ведущей к двери моей квартиры.

– Кажется, у нас проблемы, – философски заметил плотядень. – Он от своего не отступится. Не зря он вчера из окна на тебя во все глаза смотрел.

Я чуть нахмурилась, не совсем понимая, о чем речь. То есть ясно, что красавчик пошел сюда. Но не станет же он выламывать дверь, честное слово...

Входная дверь с грохотом упала на пол. В коридор ворвался рубиново-пламенный вихрь и понесся на кухню. Я охнула от неожиданности и попятилась, но через несколько секунд оказалась в крепких и совершенно недвусмысленных объятиях. Голова немного пошла кругом от запаха мускуса, солнца и чистого мужского тела.

– Привет, дорогуша, ты просто очаровательна. И откуда только такая взялась? – хрипло прошептал он мне на ухо, обжигая дыханием.

Широкие ладони скользнули по моей спине, замерли на ягодицах, мягко сжали. Это словно помогло очнуться, я дернулась и попыталась убрать его руки.

– И вам не хворать, – отозвалась в тон ему, с силой отцепляя длинные пальцы от места, где спина теряет свое благородное название. – Вы кто и что от меня хотите?

– Ах, дорогуша, что может хотеть мужчина от такой роскошной женщины, как ты? – невинно поинтересовался он.

Вблизи он оказался еще красивее и притягательнее, чем во дворе. Так и хотелось махнуть рукой на мелочи вроде «мужчина-а-давайте-познакомимся-сначала» и самой прижаться к соблазнительным красивым губам. Провести ладонями по смуглым плечам, груди, расстегнуть рубашку. Он склонился ко мне, почти касаясь губами шеи, смял тонкую ткань платья, и тут...

Я извернулась и залепила ему звонкую пощечину.

– Перестаньте меня лапать!

На несколько секунд его руки разжались, а на холеном лице появилось искреннее недоумение. Я вывернулась и приготовилась залепить еще одну

оплеуху, если не поймет, что так с незнакомыми дамами не разговаривают. За стеклами темных дорогих очков вспыхнули ярко-алые искры. На губах появилась недобрая улыбка.

- Мамочка, - пробормотала я, судорожно за спиной нашаривая, чем можно было бы защищаться, если этот мачо вдруг решит продолжить.

- Ты обозналась, дорогуша, - прошипел он, и у меня по коже пробежали мурашки. - Меня зовут Меф. И я не люблю, когда девочки себя так ведут. А если и ведут, то я их наказываю.

Страстные до этого объятия превратились в стальную хватку, дышать стало труднее.

Белоснежная улыбка на минуту показалась оскалом, я сглотнула. Но тут же почувствовала, что отыскала лейку, и, не раздумывая, с размаху треснула ею по физиономии нахала.

Он вскрикнул, я вырвалась и метнулась в коридор. Оттуда - на улицу. Оказаться в квартире с психом - этого еще не хватало!

- Адочка, деточка, - раздался сверху голос, - что случилось?

Я подняла голову и встретила взглядом с черными глазами Циры, которая сидела на балкончике и курила сигарету на длинной палочке мундштука. - У тебя вид, словно случился немножко пожар, а воды в кране нет.

- Там, там... - начала было я и махнула рукой в сторону квартиры Сарабунды. - Там какой-то мужчина, он ко мне пристает!

- Мужчина? - изогнула черную бровь Цира.

При этом спросила она таким тоном, что я тут же почувствовала себя неловко. Будто выбежала из дома и кричу, что у меня там динозавр.

Цира тем временем неторопливо поднялась и принялась спускаться по хрупким ступенькам, чудом выдерживавшим ее вес.

– Это же надо, – задумчиво произнесла она. – Здесь! И целый мужчина! Адочка, ты просто золотце какое-то. Если с твоим приходом к нам будут ходить мужчины, да еще и красивые, то я тебе таки разрешу жарить. Ну, мясо на той моей сковородке, которую нельзя брать.

Я нервно покосилась на дверь. Конечно, с Цирой не так страшно. Если что, можно легко спрятаться за ее спиной. К тому же, кажется, она ничего не боится. Не успела я додумать дальше, как из моей квартиры с диким криком и таким же матом вылетел знойный красавец. Следом неся мой бесенок, вереща что-то на своем языке и пытаюсь проткнуть беглеца миниатюрными вилами, раскаленными докрасна. Вилы были не совсем традиционного вида и скорее напоминали большую столовую вилку, но бесенка это явно не смущало.

– Мудофель! – так грозно рыкнула Цира, что я чуть не подпрыгнула. – Опять ты на мою голову!

Она уперла руки в необъятные бока.

– Му... как? – еле слышно прошептала я, глядя округлившимися глазами на красавца в местах прожженной одежде. Щегольская белая рубашка имела очень плачевный вид. Брюкам тоже не повезло, но я не могла понять, насколько серьезным был урон.

Ме... кстати, он ведь представился как Меф.

– Мудофель, – любезно и громко повторила Цира. – Во всех смыслах этого чудесного смысла. Смесь Мефистофеля и мудака, моя милая. Типичный представитель. То, во что превращаются мужчины, когда обладают мускулистым телом, большой харизмой и полным отсутствием хоть каких-то моральных устоев.

– Цира, у тебя есть совесть? – наконец-то поинтересовался он, невозмутимо снимая темные очки и элегантно вставляя их в дырявый карман на груди. – Знаешь ли, так не знакомятся с молодыми и красивыми незнакомками.

– Радуйся, что она тебе на голову горшок с плотояднем не надела, – хмыкнула она. – Ладно, познакомься, Ада, это мой чудовищный внучатый племянник Меф.

Я потеряла дар речи. Потому что Меф даже не пытался что-то возразить и смотрел на меня уже не столь нагло, но все равно с интересом. И даже подранный и немного припаленный выглядел весьма привлекательно. Хотя сейчас мне больше хотелось стукнуть его чем-то тяжелым, нежели рассматривать как мужчину своей мечты.

– Прости, Цирочка, ты же знаешь, что на невинных я реагирую очень остро, – произнес он приятным голосом. – А тут такая... такая...

Меф посмотрел на меня так, словно перед ним стояла обворожительная весталка с ветвью оливы в руках.

– Невинная? – переспросила я под озадаченным взглядом Циры. – Или все же не виноватая?

Общение с Жанкой накладывало определенный отпечаток. И я невольно начинала мыслить категориями «вы обвиняетесь» и «ваша честь, защита протестует».

– Невинная, – спокойно повторил Меф.

– Неправда ваша, сударь, – пробормотала я. – В тридцать два годика это сложно. Хотя... если вы про моего последнего мужчину, то тогда я невинная целых восемь месяцев и двенадцать дней!

Цира и Меф переглянулись. На лицах обоих появилось искреннее удивление. При этом настолько искреннее, что я даже растерялась, что говорить дальше. Однако сказать ничего не дали, потому что в следующий же миг бесенок подскочил ко мне, протянул лапки, запрыгал и требовательно запищал. Не раздумывая, я взяла его на руки. Гордо выстояла, даже не покачнувшись от тяжести, и услышала раскатистое урчание. Маленькие рожки кольнули подбородок, но не больно, а, скорее, щекотно.

– Защитник, – покачала головой Цира. – Радуйся, что такой достался и оценил тебя. Теперь не подойдет ни один му... – она покосилась на Мефа, – мужчина.

Тот сделал вид, что вообще здесь не присутствует. Но потом под тетушкиным тяжелым взором все же вздохнул и выставил вперед ладони, словно признаваясь в поражении.

- Прекрасные дамы, не злитесь. Не хотел ничего дурного, это все ваши несравненные красота и обаяние притягивают нас, несчастных мужчин, которые не в состоянии противиться вашим...

- Поменьше вензелей в речи, - бесцеремонно оборвала его Цира. - Через полчаса все собираемся у меня, я только пирожков нажарила. Поговорим, нормально познакомимся, заодно и покажешь Аде, что ты можешь быть нормальным, а не потерявшим разум кобелем.

Как она его сурово. Но спорить, конечно, глупо. Напугал, гад, будь здоров.

- Ада, не стой столбом. Закрой квартиру и иди ко мне, - дала указания Цира таким командным голосом, что мне тут же захотелось вытянуться по струнке.

Решив, что не стоит дальше тянуть резину, я кивнула, подхватила пытящего бесенка покрепче и метнулась в квартиру тетушки Сарабунды.

...Дом у Циры был своеобразный. Это даже не дом, а филиал магической лавки, приемной колдуньи и спальни знахаря вуду. Казалось, что сюда в течение многих лет методически стаскивали самые разнообразные и невероятные предметы для гаданий, ритуалов и всяческих мистерий.

Свечи, маски, перья, алтарь, масса нефритовых фигурок, колоды карт, ритуальные свертки, толстенные фолианты, хрустальные шары и даже череп на книжной полке. Черный кот самого нахального вида сидел на диване и смотрел на меня огромными желтыми глазами. Бесенок, кстати, как-то ловко уменьшился в размерах и уселся на мое плечо. При этом все норовил то потрогать волосы и шею, то поурчать на ухо. Выглядело это крайне забавно, поэтому я не имела ничего против.

Цира провела меня на кухню, маленькую и заставленную совершенно невообразимыми статуями, камнями, пуфиками и, внезапно, леопардовыми шкурами. Предложила расположиться за низким столиком, усевшись на пеструю большую подушку. Тут же выставила безумно ароматные пирожки с золотистой

корочкой и налила чаю на травах.

– Есть еще кофе, – сообщила она, – но я его варю в турке из-под слабительного зелья, потому что турка именно для кофе поимела немного дырок после последнего приезда Мефа.

– А что он с ней сделал? – осторожно уточнила я, беря пирожок.

– Проткнул рогом, – как ни в чем не бывало сказала Цира. – Конечно, не стоило мне ею в него кидаться, но, скажи на милость, зачем было ронять мой любимый череп?

– Ваш любимый что? – икнула я, даже не заметив, что бесенок ловко отобрал у меня пирожок и с удовольствием его уплетает.

– Череп, – любезно повторила Цира, раскладывая салфетки.

– Рога? – тем временем осознала я, проглотив информацию про череп. – У него есть рога?

– Конечно, – подтвердила она как нечто само собой разумеющееся. – Как у любого порядочного демона.

Передо мной возникла кокетливая красная чашка в бантиках... С черепами.

На некоторое время повисла тишина. Я смотрела на чашку и судорожно соображала. Демон, рога, му... тьфу, Меф. То есть, конечно, Сарабунда рассказала мне про миры и все такое, но к подобному не подготовила. К тому же диссонанс вносило, что никаких рогов у Мефа во время нашего бурного знакомства я не заметила.

– Так их сразу и не заметить, – словно прочитав мои мысли, хмыкнула Цира и звонко размешала ложечкой сахар в чашке. – Прячет же, стервец. Говорит, привлекательнее так.

– Да, – согласилась я, – он прав. У нас мужчины с рогами тоже бывают, но в двух вариантах.

- В каких же? - В черных глазах Циры заблестел живейший интерес.

- Козлы рогатые и те, кому изменили жены, - охотно пояснила я.

Бесенок прекратил жевать и тоненько захихикал. Кажется, такое толкование ему очень понравилось. Хихиканье стало просто неприлично веселым.

Цира хлопнула ладонью по столу:

- Ну-ка, цыть!

Тот покорно замолчал и принялся усиленно лопать пирожок, делая вид, что только что не смеялся и вообще просто душка.

- М-да-а, - протянула она задумчиво. - Хорошо у вас там. Расскажи мне про ваш мир. У вас там однозначно весело.

- Весело, - согласилась я. - Порой до слез весело. Зато не соскучишься.

Вкратце я поведала ей о своей работе в брачном агентстве и про то, что живу одна, родственников нет. Есть только близкая подруга Жанна, по которой, откровенно говоря, я уже скучаю. Есть милое хобби вязать вещи для друзей и знакомых. Есть поиск жениха, однако пока что встречались экземпляры вроде ее дражайшего Мудофеля, поэтому замуж я так и не вышла. Один раз попыталась, но вовремя одумалась. Жених был прекрасен, только больно уж любил женский пол. Поэтому я вскоре увидела его в кафе со «знакомой», а потом в парке, а потом на стоянке, а потом: «Ой, Игорь, кто эта блондинистая стерва? Твоя девушка? Ах ты ж сволочь! Да я тебя!» Блондинистая стерва - это я, а «знакомая» - Алиса Евгеньевна Соболева, инженер по профессии и глава байкерского клуба «Северные лисы» по призванию. В общем... надо ли говорить, что сначала мы с упоением били горе-ухажера, а потом подружились?

Алиска, правда, как оказалось, была командировочной и по окончании работы уехала к себе в Питер. Но общаемся хорошо до сих пор, несмотря на столь, кхм, оригинальное знакомство.

Меф появился спустя полчаса. Одет с иголочки, прическа волосок к волоску, обворожительная улыбка и очень приятный парфюм. Еще бы манеры под стать – вообще б цены ему не было!

– Прекрасные дамы, прошу простить мою задержку, – извинился он, сделал неуловимый пасс рукой, и на столе появились бутылка шампанского и воздушные белые и розовые пирожные.

– Льстец, – заявила Цира, явно намекая на «прекрасных», и взяла пирожное. – Садись.

Меф сел между нами и, нужно отметить, последующие два часа вел себя очень прилично. Даже извинился за свое поведение. Меня все подмывало спросить про невинность, но стоило только взглянуть в темные глаза, как слова застревали в горле. Все же Меф был крайне привлекательным мужчиной, а еще рядом с ним словно обострялись все чувства и тут же хотелось позабыть про разговор за столом, Циру, бесенка на плече... Ухватить знойного красавца за руку и увести подальше от любопытных глаз. Внезапно совершенно по-девчачьи захотелось романтики, поцелуев, вина, шепота на ушко и горячих признаний. А потом и продолжения...

– Так, ну-ка, прекрати немедленно! – рявкнула Цира.

Мы с Мефом одновременно вздрогнули. Я – проснувшись от странного наваждения, а Меф... Так, а что это его рука делает у меня на бедре?

Вторая за день звонкая пощечина и тонкое хихиканье бесенка напрочь разорвали все очарование мыслей о свидании.

– Прости, виноват, – не стал отпираться он. – Просто ты такая...

– Даже не начинай! – прорычала я.

– Ты мне нравишься, – бесхитростно сообщил Меф, внезапно мягко улыбнувшись. – Не бойшься, умеешь постоять за себя и не теряешься в чужом мире.

– Наглецы и не умеющие себя держать в руках мужчины у нас тоже имеются, – буркнула я. – Поэтому у меня есть опыт.

– Ну ладно, детки, не ссорьтесь, – вдруг вклинулась Цира, раскупоривая бутылку шампанского. – В конце концов, большой великолепный М всего лишь внук инкуба, поэтому иначе не может.

– Большой великолепный М? – повторила я, покосившись на Мефа.

– Да, – вдруг мрачно отозвался он. – С наречия инкубов именно так и переводится мое имя. Сократили в обиходе до Мефа. И не надо хихикать!

– Я не хихикаю, – заверила я, искренне захлопав ресницами и закусив губу, чтобы бессовестно не заржать.

– Так я и понял, – проворчал он.

– Ну, кто ж виноват, что родители у тебя затейники? – подлила масла в огонь Цира, и я услышала глухое рычание.

Глаза Мефа вспыхнули рубиново-красным светом, однако, в отличие от меня, на Циру это никакого эффекта не произвело.

– И вот что, – продолжила она, – завтра возьмешь Адочку с собой, пройдетесь по магазинам, что-то подберете. Любишь женщину расчехлять, люби женщину и укомплектовывать. Все равно ей надо на работу устраиваться, а внешний вид, сам понимаешь, штука важная.

– Я ничего не приму! – воспротивилась я.

– То есть хочешь разгуливать голая? – тут же оживился Меф. – Тогда...

– Да... Нет!

– Настоящая женщина, – восхитилась Цира и утерла слезинку умиления. – Решила, сказала, передумала.

Меф сделал вид, что его это не касается и вообще он рассматривает скатерть на столике. Всю такую в ярких квадратах, вязанную мотивами.

– Цира! Цира! – донесся со двора голос тетушки Сарабунды. – Опять твой приехал? Это что же мне делать с Адой?

– Ничего! – крикнула в ответ Цира так, что я подпрыгнула. – Она уже дала ему пару раз по морде, и они подружились!

Глава 3. Центр помощи рухнувшим и цербер-осьминог

День выдался чудесный. Солнце заливало улицу, играло на бирюзовых волнах залива. Возле окна рос гранат, плоды краснели кожистыми боками, так и норовя шлепнуться на бутоны плотоядней. Впрочем, самих плотоядней это ни капельки не смущало, потому что компания в разноцветных горшках вытянулась на всю длину стебля и с пристальным вниманием следила, как я жарю оладьи на завтрак.

Тетушка Сарабунда тем временем выбирала, какое платье надеть: малиновое, ядерно-оранжевое или кислотно-салатовое. К платью непременно прилагались кокетливая шляпка и ворох пестрых побрякушек, которые, по ее мнению, завершали образ. Выйти без украшений – все равно что в неглиже, милочка, да-да.

Вот она и отрывалась как могла. Я, наверно, за всю жизнь не переносила столько побрякушек, сколько увидела на Сарабунде с момента своего пребывания здесь.

– Ничего им не давай! – крикнула тетушка из комнаты. – Цветы уже завтракали!

Плотоядни тут же обиженно засопели. Вообще-то, прозвучи эта фраза у меня на родине, сказавшую ее посчитали бы клиенткой психиатрической клиники. А здесь... нет, здесь все в порядке.

– Извините, ребята, не могу идти против хозяйки. Сами понимаете, – развела я руками.

Цветы возражать не стали, зато бесенок постарался цапнуть лопатку, которой я переворачивала оладьи. Пришлось несильно хлопнуть его по мохнатой попе. В отличие от плотоядней, он даже ворчать не стал, а только сделал умильные глазки и скорчил мордочку. При этом вышло настолько мило, что устоять оказалось невозможно – пришлось делиться.

Тут же раздались довольное урчание и чавканье.

Я вздохнула, переложила оладьи на тарелки и поставила на стол. Сегодня идем в Центр помощи рухнувшим, пора получать мои документы и содержание. Тетушка Сарабунда собиралась, словно на парад, а я... я нервничала. Все же не каждый день ходишь по адским конторам, даже если они не совсем адские!

А потом еще планировался мой поход по магазинам с Мудофелем, то есть Мефом. После вчерашнего первое прозвище ему пока куда больше подходило, чем второе. Поэтому мысленно так и тянуло обозвать несчастного родственника Циры не совсем цензурно, зато подходяще.

Тетушка Сарабунда показалась на кухне в ярко-желтом сарафане с крупными синими цветами. Заметив мой озадаченный взгляд, она кратко пояснила:

– Мне к лицу.

Ну, в общем-то да. Выбирать из трех платьев, чтобы выбрать четвертое... Ничем иным это не объяснить. Прекрасная женщина.

Усевшись за стол, она погрозила пальцем разомлевшему бесу и принялась за еду.

– Центр помощи рухнувшим – это та еще песня: слова через раз, в ноты не попадает, мотив никакой. Зато душа нараспашку. Поэтому принимают радостно, долго, но все не туда. Только не расстраивайся, у тебя все будет хорошо.

Я подозрительно покосилась на нее и задумчиво зачерпнула чайной ложкой сметану из пиалки. Вообще, мысли пока теснятся в голове и упорно не желают выстраиваться как положено. Я осознаю, где я и что здесь делаю в данный момент. Но при этом совершенно не могу осознать, что назад не вернуться.

Хорошо хоть, так сложилось, что в моем мире никакой родни не осталось, а значит, никто не поседеет от беспокойства, куда пропала непутевая Ада. Имелись дальние родственники на Урале, но они вряд ли вспомнят мои имя и лицо.

Жалко только Жанку. Она-то как раз меня и будет искать. И еще Мать Песца может, тьфу, Алиска.

Ощувив приступ дикой тоски по девчонкам, я не заметила, как в расстройстве смела все, что было на тарелке. Тетушка Сарабунда посмотрела на меня, цокнула языком.

– Молодо-зелено, – изрекла она. – Пока что все на пользу, и даже если твой экватор станет больше, это тоже хорошо – мужчине хоть будет за что ухватиться, я говорю.

– Вы про какой экватор? – осторожно поинтересовалась я.

– Про тот, что ниже талии, – хмыкнула она, и я почувствовала себя неловко. Ну, самую малость.

– Ладно, заканчиваем трапезу и едем, – тут же, развеселившись, добавила она. – Наденешь пока платье моей внучки. Чем больше вызовешь жалости у инспекторов, тем лучше.

– У вас есть внучка? – изумилась я.

– Да что ж я, не люди? – уперла руки в бока тетушка Сарабунда. – Конечно есть, охламонка еще та! Художница будет. Ой, я тебе скажу, такие художества вытворяла еще в школе, что словами не передать!

Впрочем, передавать их моя хозяйка и не стала. Вместо этого я живо убрала со стола и вымыла посуду, а тетушка Сарабунда предоставила мне серенькое короткое платьице. В целом оно выглядело прилично, правда, длина оставляла желать лучшего.

Однако особо страдать не было времени, поэтому, быстро облачившись и заплетя непослушные волнистые волосы в косу, я была готова в кратчайшие сроки.

- Идем, - скомандовала Сарабунда и распахнула дверь.

В коридор ворвался раскаленный знойный воздух. Но жара меня не изумила, так как у порога лежало нечто куда более интересное. Огромный букет из алых роз, от которых исходило рубиновое сияние.

Я ахнула от неожиданности, прижав руки к груди.

Тетушка Сарабунда осмотрела «препятствие» и философски изрекла:

- Милочка, ты делаешь успех, большой и мужской, я говорю.

Мимо ушей, конечно, подобное замечание пролететь не могло. Но я взяла огромный букет в руки и на минуту почувствовала себя звездой эстрады. Ну, или депутатом парламента, им такие же дарят. Боюсь даже предположить, сколько тут роз. Пятьдесят? Семьдесят?

Прикинуть, конечно, я могла только на глаз. Да и то десятками, потому что точно не определить.

Розы пахли восхитительно. Сделав глубокий вдох, я блаженно прикрыла глаза. Пусть весь мир подождет. Не каждый день такие букеты под дверью нахожу... Хотя кому я вру, такой - первый раз в жизни.

- Так, не стой, поставь в вазу, - тут же распорядилась тетушка Сарабунда. - Да, в ту, с неприличными мальчиками.

- Они не неприличные, - буркнула я, быстро проходя в комнату.

На вазе просто изображены греческие юноши на Олимпийских играх. Очень обнаженные юноши на ну... о-о-очень Олимпийских играх. Ничего пошлого и постыдного, греки вообще к обнаженному телу относились как к прекрасному творению природы. Так что... нечего завидовать, в общем. А смотреть - приятно.

Но стоило разобраться с розами, как тетушка Сарабунда тут же подошла и одним движением, казалось бы, засушенной старушечьей руки отодвинула вазу высотой мне по пояс в угол комнаты.

- Пусть там постоит, - пояснила она, - а то плотоядни - ревнивые, заразы. Еще пообкусывают такую красоту.

- Так они же на кухне! - изумилась я.

- И что? - приподняла тонкую бровь тетушка Сарабунда. - Что им мешает корненожками добежать сюда? Точнее, доползти?

Я сглотнула. Так, теперь буду ложиться спать и класть рядом нож. Или топорик. Вдруг им надумается прийти ко мне в гости, потому что на подоконнике сквозняк? Хватит с меня одного беси, который считает, что кровать - это пристанище, а я плюшевая Ада, которую можно использовать как лежанку, накрывалку и подушечку.

Однако тут же включилась соображалка, и я осторожно уточнила:

- А что им помешает добежать до этого угла?

- Так тут же живет Моня, - совершенно не растерялась она. - А с Моней они на начальной стадии холодной войны, прям как старая девственница с легионом стриптизеров.

- Кто?..

Я покосилась на угол, где как ни в чем не бывало стояла ваза с неприличными мальчиками.

- Кто такой Моня?

- Мой любимый хищный паук из рода гарагуртовых! - с нескрываемой гордостью сказала тетушка Сарабунда и тут же уточнила: - Адочка, а что это ты так позеленела?

– Да я это... – выдавила я, пытаюсь не думать о подступающей к горлу дурноте. – Давайте уже на улицу, а?

– Пошли, милочка, пошли, – покивала она и подхватила меня под локоток.

Во двор мы вышли без приключений. Я пыталась прийти в себя и осмыслить сказанное про бегающие цветы и хищного паука. Господи, мне срочно нужна другая комната!

Солнышко палило немилосердно, и я тут же пожалела, что не выпросила никакой шляпки. Даже самого экзотичного вида. При этом тетушка Сарабунда, кажется, чувствовала себя прекрасно. Поправила изогнутый василек на соломенной шляпе, достала из сумочки сигару и закурила.

Я сделала глубокий вдох, и тут взгляд наткнулся на три двери, которых я раньше не видела. Две под нашей квартирой, одна – под Цириной. Точнее, их там тоже было две, но за одной жил Меф.

Кстати, розы! За разговорами о живности тетушки Сарабунды от меня как-то ускользнуло, что даже не возник вопрос, кто прислал розы.

– Кто мог меня так одарить? – спросила я, когда мы покинули дворик. – Меф?

Тетушка задумчиво выпустила колечко дыма, сосредоточенно глядя под ноги. Дорожка сложена из камней, тут глаз да глаз надо, не асфальт же. Вспомнились мои путешествия по Закарпатья, где города-крошки, сделанные по западному образцу, заводят путника в маленькие дворики выложенными брусчаткой дорогами. Когда ты, привыкший к широте южных улиц, путаешься и не можешь понять, где тротуар, а где проезжая часть.

На ее плече соткался из воздуха нахальный чертенок, которого я видела в первый день нашего знакомства. Он тут же поймал дымное кольцо, покрутил его на когтистом пальчике и закинул подальше.

– Не думаю, – сказала вдруг тетушка Сарабунда. – Он хоть и с кровью инкуба, все такое, но без фантазии. Особенно если ему велено лапы блудливые не тянуть. Он действительно пойдет с тобой покупать вещи и, поверь, купит все, на что ты

покажешь. Но сам фантазировать не будет, я говорю.

«Как похоже на наших мужчин, – грустно подумала я. – Если хочешь сюрприз, то распиши сценарий, сунь ему в руки, дай адрес магазина и назначь время, когда все это вручить. И главное! Не забывай ахать, охать и говорить: «Ой, как неожиданно! Как ты догадался, что я хочу именно это?» Только так. Не со всеми, конечно, но с большинством – так».

– А кто же тогда?

Тетушка Сарабунда подвела меня к остановке.

– Подождем трамвай тут, а то пока дойдем пешком – испытаем на себе все прелести зноя. Кто же?.. Хм... – Она задумалась, снова выпустив колечко дыма. Шлепнула по лапке чертенка, который норовил украсть и второе колечко. – Сложный вопрос. Я пока сама не могу ответить. Но явно не Меф, я этого пройдоху с пеленок знаю.

Поняв, что предположения зашли в тупик, я все же раскрыла рот, чтобы еще кое-что уточнить, и тут позади раздался трамвайный звонок. Развернувшись, я взглянула на приближавшийся трамвай и обомлела.

Это транспортное средство было сложно назвать транспортным. Скорее уж оно напоминало цирк экзотов на выезде. Трамвай был дикой расцветки, без окон и в два этажа. Крыша отсутствовала, поэтому сидевшие наверху пассажиры могли свободно глазеть по сторонам. Но, судя по их лицам, поездка была еще та, поэтому наслаждаться не получалось.

Кабина водителя была сделана в виде огромной морды какого-то фиолетового монстра. В целом не страшного, но очень своеобразного.

Водитель трамвая, вертлявый юноша с огромными очками на лбу, напоминавшими летные, громко зазывал народ садиться:

– Проходим-проходим, не задерживаем. Мне, знаете ли, график надо соблюдать! Денежку отдаем, не шарахаемся, под ноги смотрим!

– Пошли, – подхватила меня под локоток тетушка Сарабунда. – Как раз нас довезет к Центру.

– А вы уверены, что это безопасно? – осторожно уточнила я.

– Абсолютно! – заверила она. – Сейчас даже не надо ездить в шлеме!

– Вы знаете, как утешить, – пробормотала я, стараясь поспевать за ней.

Дело в том, что мне выделили не только платье внучки-художницы, но и ее босоножки. А так как нога у девчонки была больше моей, то скакать за бравой тетушкой Сарабундой оказалось удовольствием еще тем.

– Хватайся за лесенку! – скомандовала она.

И правда, с первого на второй этаж вела лестница. Хлипкая и шатающаяся. Подниматься по такой – с первого раза дай бог, чтобы получилось. Но тетушка Сарабунда притоптывала от нетерпения и явно была готова подсадить меня под соблазнительный зад, едва прикрытый куцым платьем ее внучки.

Храбро ухватившись за поручень и решив не поддаваться панике, я поднялась. Испытала массу незабываемых впечатлений, однако не оступилась и не грохнулась, что уже многого стоило. Пассажиры смотрели на нас с интересом. Видимо, каждая остановка – своеобразный аттракцион.

Стоило мне оказаться наверху и сесть на первое попавшееся сиденье, как следом направилась тетушка Сарабунда.

– Сарочка, как ваши дела? – раздался дребезжащий старческий голос.

Я перегнулась через поручень, чтобы рассмотреть говорившего. Подтянутый бойкий дедуля в очках и белой шляпе.

– Ничего-ничего, все путем, – ответила она.

Тут же послышался звонкий шлепок, и я ахнула. Дедуля хлопнул тетушку Сарабунду по ягодице. Та не растерялась и огрела нахала сумкой. Пассажиры

громко зааплодировали. Водитель довольно крикнул, потом кто-то завыл. Но раздумывать об этом было некогда, поэтому, не теряя времени, я подскочила и подала руку тетушке Сарабунде.

- Это Изер, - сказала она словно само собой разумеющееся. - Такой интеллигент, такой интеллигент, что чудо какой нахал! Но ты не волнуйся, это наше обычное общение. Так что все в порядке.

- То есть это хороший знакомый? - уточнила я, еще раз глянув на дедулю.

Тот не выглядел обиженным и оживленно болтал с кем-то по телефону.

- Трамвайный знакомый, - поправила тетушка Сарабунда. - Это особая категория. Видимся только в трамвае, но, как видишь, имеем интересное общение.

В этот раз я не удержалась и тихонечко хихикнула. Вспомнилась собственная история, как какое-то время я ездила в одной маршрутке с до ужаса симпатичным и харизматичным мужчиной. Сначала мы только видели друг друга, потом в час пик оказались прижаты друг к другу в недвусмысленной позе, а на следующий день он торжественно уступил мне место и заявил, что после вчерашнего, как честный мужчина, просто обязан на мне жениться.

Жениться, конечно, он не стал. Но роман был бурным и впечатляющим. Разошлись, когда он уехал жить и работать во Францию. Я покинуть родину была не готова, да и он особо не звал, поэтому решили остаться друзьями. Несмотря на подтекст всей ситуации, о Борисе я всегда вспоминаю с теплом. Повезет кому-то. Если, конечно, этот кто-то сможет ужиться с его кобелиной натурой.

- Готовим за проезд! - донесся голос водителя.

Я завертела головой, пытаюсь понять, где установлен динамик, что все так хорошо слышно.

Трамвай зазвенел и медленно тронулся. Ехать оказалось даже не страшно. Хотя изначально я уже успела попрощаться с милым домиком, бесенком,

плотоядьями и даже пауком Монеи.

- Чего ты? - удивилась тетушка Сарабунда. - Я плачу, не переживай.

- Хорошо, - улыбнулась я, решив не забивать ей голову своими поисками динамика.

Тем временем мою ногу что-то защекотало.

- Гражданочка, проезд оплачиваем, - донеслось откуда-то снизу.

Я опустила взгляд и взвизгнула. Внушительное, толщиной с мою руку, рыжее щупальце игриво трогало меня за коленку. Тетушка Сарабунда легонько шлепнула по щупальцу и сунула в него деньги.

- Два билета, Бабби. И чтоб ты меня так за ножку щупал, как молоденьких красоток, - укорила она.

- Виноват, - донесся гулкий голос, и на второй этаж взобралось существо, по виду напоминавшее смесь осьминога и цербера.

Три собачьих лопауких рыжих головы, четыре лапы, кажется, восемь щупалец и длинный хвост со змеиной красной головой вместо кисточки. На животе висела сумка. Пока я, разинув рот, рассматривала возникшее перед глазами чудо природы, оно деловито достало из сумки два билета, дало змее на хвосте прокомпостировать их зубами и сунуло нам.

- Бабби, ты лапочка, - умилилась тетушка Сарабунда.

- Всеми силами стараюсь, - доверительно сообщил он. - Знаете, сколько стоят косметические процедуры? А когтеточка? А укладка? Просто ужас! Но красота требует денег.

Услышав последние слова, я поняла, что почти прониклась симпатией к этому странному существу. Как бы кто-то ни выглядел, но если понимает товарно-денежные отношения наших реалий, то, значит, с ним можно иметь дело. Мораль, значит, наша, людская. А внешность - это уже мелочи. Я с утра тоже

выгляжу не как богиня секса.

Бабби пошел обилечивать остальных пассажиров. Я все же невольно косилась в его сторону. Все же такое чудо не каждый день видишь. Кстати, занятное дело, при всей экзотической внешности и наличии щупалец (я потом разглядела, что они тоже пушистые) Бабби не вызывал отторжения и желания сказать «бр-р-р». Вполне милая говорящая зверушка с бесконечно добрыми глазами цвета какао с молоком. В общем, почти живая игрушка. Это только поначалу шокирует.

– Ко всему привыкаешь, – философски изрекла тетушка Сарабунда, словно прочитав мои мысли. – Ко всему, милочка, я говорю.

Ехали, на удивление, совсем неплохо. Водитель знал свое дело, выложенная камнями дорога словно стала ровнее. Никто не подпрыгивал, не ругался, и, соответственно, все были крайне довольны жизнью.

Улицы выглядели близнецами, чрезвычайно яркие, застроенные одно- и двухэтажными домиками, скрытые зеленью деревьев и наполненные запахом солнца и моря.

– Что это за город? – тихо спросила я тетушку Сарабунду, понимая, что до сих пор не додумалась озадачиться названием.

– Не город, а городок, – хмыкнула она, – городюленька, я бы сказала. Прелестная жемчужинка у моря, Одассос.

Позабыв, как дышать, я во все глаза уставилась на собеседницу. Ничего себе совпадение! Одассос, Одессос, Одесса... Ведь по одной из версий название Одессы произошло именно от названия греческой колонии Одессос, находившейся неподалеку от современной Одессы. И тоже жемчужина у моря... Так, надо срочно разузнать, есть ли тут у них Дерibasовская и Седьмой километр.

– Ну, на выход, – оживилась тетушка Сарабунда, прервав мои мысли. – Видишь во-о-он то старенькое, косое и очень печальное здание?

– Да.

- Нам туда!

Когда мы спускались по лесенке, Изер все норовил придержать тетушку Сарабунду «за талию». Проблема была только в том, что в силу возраста талия несколько потерялась на ее теле, и бедный дедуля хватался то за бюст, то за бедра. Потом получил сумкой от «благодарной» дамы и со мной этот трюк повторить не пытался.

Стоило трамваю отъехать, я покосилась на тетушку Сарабунду:

- Скажите, что вы носите в сумке?

На ее плече снова возник знакомый чертенок и с любопытством посмотрел на меня. На его шее висела связка бубликов а-ля ожерелье. Он оторвал два и протянул мне и своей хозяйке.

- Ах ты, моя прелесть, - умилилась тетушка Сарабунда и погладила его между рожек, а потом взяла бублик. - Это из моего питомника тоже, кстати. Такая ласковая бесяша, я говорю. Не захотел в свободное плавание, остался со мной. А сумка... там кирпичики, милочка. И мышцы в тонусе, и нахалам взбучка.

После этого я поняла, что больше вопросов задавать не стоит. А стоит купить сумку и положить туда кирпич. Мудрость, она, знаете ли, старшим поколением не просто так передается.

Когда мы приблизились к Центру помощи рухнувшим, я на нервах утоптала бублик на такой скорости, что бесяша попытался мне всунуть еще один и смотрел сочувственно, словно бабушка с варениками на отощавшего внука.

- Хватит есть! - распорядилась тетушка Сарабунда. - Пять минут удовольствия, а потом всю жизнь: «Ой, у меня круспа большая!»

- Что такое круспа? - осторожно уточнила я.

- То, что в женщине прекрасно, мягко и так притягивает мужские ладони на предмет шлепка.

Ага, то есть круспа в переводе на одесский язык – тухес. Ну, и уже понятно, что значит в переводе на все остальные языки мира.

Стало неловко. Не то чтобы я сильно страдала на эту тему, от мамы и бабушки мне передалась неунывающая натура, позволяющая любить себя в любом виде, но... Сарабунда права. Надо брать себя в руки.

– Добро пожаловать, милочка, в обитель адскую, – ласково пригласила меня тетушка Сарабунда и распахнула дверь конторы.

Поначалу внутри все сжалось. Кто его знает, какие тут правила-то. Однако опасения оказались лишними. Мне пришлось отстоять очередь к окошку, получить талон, потом посидеть у нескольких кабинетов, написать пару заявлений, что я, Ада Адольфовна Гройссман, прошу выдать мне документы для проживания в Одассосе и возможности устроиться на работу. Потом опять отправили к окошку и... Вот честно говоря, адская бюрократия Нижнего мира меня совершенно не напугала. Даже больше, после наших госконтор это было вполне приличное заведение с традиционными очередями и крикливыми работницами. Ладно, все работницы разные, не буду наговаривать на людей и демониц. Ведь прелесть в том, что и тех и других можно встретить в любом из миров. И пусть внешне незаметно, но характер выдает!

– Ну все, милочка, – изрекла тетушка Сарабунда, когда я стояла на пороге с нужными бумагами в руках. – Добро пожаловать в нашу горяченькую жизнь! Теперь ты наша!

Глава 4. За что? За деньги!

Мне снился дивный сон. За окном была полночь. Луна и звезды сияли ярко-ярко, освещая лениво перекатывающиеся волны залива и спящие дворики Одассоса. Я стояла возле окна и смотрела вдаль. На душе было спокойно и тепло. Казалось, что наконец-то я нашла место, где мне хорошо и уютно. Прямо так, как должно быть. И не мешают ни цветы-плотоядни, ни хищный паук, ни сосед Мудофель.

В общем, настроение было самое что ни на есть романтическое. Прикрыв глаза, я сделала глубокий вдох. Ночной свежий воздух с ароматами южных цветов и деревьев немного кружил голову.

– Здравствуй, Ада, – прошепестел чей-то незнакомый голос.

Мужской, низкий, с едва различимой хрипотцой. Слушаешь и забываешь все на свете. Чуть приподняв ресницы, я увидела, что сверкавшие на небе звезды вдруг слились в ослепительную дорожку, по которой спускался мужчина. Незнакомый. Красивый, словно мечта. Когда прямо смотришь на него, сложно понять, какого конкретно цвета глаза, волосы, кожа... Не различить черты, но не отделаться от ощущения, что он безумно красив. Из одежды – один черный плащ цвета бархатной ночи. По черноте плаща рассыпаны бриллиантовые искры... Почти как звезды на южном небе. Кажется, что незнакомец просто ухватился за полотно ночи, резко рванул его на себя и облачился в сказочное одеяние.

– Здравствуйте, – пробормотала я, не в силах отвести от него взгляда. – Кто вы?

Он улыбнулся, сделал шаг вперед и вдруг оказался совсем близко. Горячее дыхание обожгло мою шею, губы коснулись скулы.

– Мы с тобой пока не смогли познакомиться, – промурлыкал он. – А мне так этого хочется. И тебе, впрочем, тоже...

Горячая ладонь обняла мою щеку, он большим пальцем огладил скулу.

– Да?

...Я резко открыла глаза. Солнечные лучи светили прямо в лицо. Вставать совершенно не хотелось. Тетушка Сарабунда гремела на кухне посудой и кого-то отчитывала. То ли бесю, то ли плотоядней. Комнатка у меня хоть маленькая, но светлая и уютная.

Рядом вдруг кто-то завозился. Я повернула голову и увидела своего бесяшу. Ага, значит, на кухне воспитывают все же цветы.

– Что, крокодил? – улыбнулась я и пощекотала шерстяное черненькое брюшко. – Бездельничаешь?

– Ур-р-р, – сообщил он, прижмуриваясь от удовольствия.

Вот, бесятки тоже могут урчать. Не хуже котятков. И в целом не такие уж и вредные создания, как может показаться на первый взгляд.

– Пора вставать, – доверительно сообщила я. – Сегодня нам предстоят дела. Пойдешь со мной по магазинам?

Бесяша сделал вид, что задумался, но потом важно кивнул. То есть консенсус найден за предельно короткий срок. Правда, тут же обнаглел и попытался свернуться у меня под боком.

– Эй! – возмутилась я. – Ты все же бес-искуситель, а не котейка!

– Бе, – значительно возразил беся и сладко засопел.

И как бы мне ни хотелось еще поваляться, все равно пришлось вставать. Пусть тетушка Сарабунда по утрам меня не расталкивала и коварно не заводила будильник над ухом, валяться было просто неприлично. Совесть велела немедленно подняться и, забыв, что моя хозяйка получила приличное содержание за «рухнувшую из Срединного мира», пойти в ванную. Бесяша тут же все бросил и помчался за мной.

Правда, вышла я в коридор, все равно жутко зевая. Однако тут же забыла об этом, потому что глазам предстала невероятная картина: выставленные в рядок плотоядни отчаянно ревели. Почти басом. Перед ними лежала тоненькая книжка, похожая на детскую.

– Ничего не знаю, – донесся голос тетушки Сарабунды. – Пока не будет результата, никто к блинам не притронется.

– Ы-ы-ы! – с надрывом выдал ближайший к плите плотоядень. – За что-о-о?

– За деньги! – не растерялась тетушка Сарабунда. – Ну-ка, быстро прекратить устраивать истерику и учить стихи!

– У-у-у!

– Молчать!

– А зачем им стихи? – тихонько поинтересовалась я, наблюдая, как все плотядни синхронно склонили бутоны и принялись шевелить лепестками, словно повторяя строки.

– Шоб було, – доверительно поделилась со мной мыслями тетушка Сарабунда, перекладывая золотистый блинчик на тарелку. – Знаешь ли, не хочется краснеть за этих оболтусов, если они вдруг начнут из окна на всю улицу разговаривать неприличными словами.

Цветы недовольно заворчали.

– Разговаривать? – повторила я. – Но матом обычно ругаются.

– Ругаются – половина беды, – хмыкнула она. – А вот когда разговаривают, то и правда беда-беда. Теряется тонкая нить предназначения матерного слова и ненормативной лексики как таковая. Ты понимаешь, о чем я?

На всякий случай кивнув, я быстро проскочила в ванную. Холодный душ помог взбодриться и почувствовать себя лучше. А изумительная стряпня тетушки Сарабунды и вовсе подняла настроение. После нее я готова была хоть на баррикады, хоть по магазинам с Мефом!

– Мудофелю спуску не давай, – велела она. – Скромничать не вздумай, с него причитается.

«Нельзя так», – сказала совесть.

«Не каждый день нас с тобой по магазинам водят», – возразила жадность.

«Аргумент», – тут же согласилась совесть.

В неравной борьбе между этими прекрасными дамами само собой победила... не совесть. Стыдно ли мне было? Хм-м-м, если бы Меф вел себя приличнее, то очень стыдно. А так... В конце концов, имею я право на моральную компенсацию?!

Он явился в назначенное время. Весь такой невероятный, сексапильный и знойный мужчина. Волосы цвета воронова крыла стянуты в хвост, чернильно-фиолетовая рубашка расстегнута ровно настолько, что видны мускулистая грудь и цепочка с кулоном в виде клыка волка. Темные очки, ослепительная улыбка, сногшибательный парфюм.

- Доброе утро, дамы, - очаровательно улыбнулся он. - Чуть свет, и я у ваших ног.

- Утро наступило два часа назад, - сказала тетушка Сарабунда.

«Может, не стоило в первую встречу слишком сопротивляться?» - подумала я.

Меф проигнорировал ее замечание, подошел ко мне, взял руку и коснулся губами тыльной части. Сама элегантность и любезность. В этот раз голова не закружилась, волна сладкой дрожи по телу не пробежала... Но все равно чертовски приятно, когда вам целуют руки. Маленький и прелестный жест, пережиток прошлого, но такой дефицит в настоящем.

- Готова? - поинтересовался он.

Я кивнула, потом посмотрела на тетушку Сарабунду. Та шустро вручила мне хозяйственную сумку со списком необходимых продуктов и корма для бесенек. А что? Все должно приносить пользу. К тому же в шикарном кабриолете мешок с кормом будет смотреться просто дивно изысканно.

Впрочем, надо отдать ему должное, Меф отреагировал стоически и сделал вид, что так и должно быть. Галантно подхватил меня под локоток и вывел из квартиры. Стоило оказаться возле машины, я снова посмотрела на закрытые двери, за которыми должны были жить загадочные соседи.

Меф открыл передо мной дверцу, потом проследил за взглядом.

- Что случилось? - поинтересовался он.

– Кто там живет?

Я указала на двери.

Он хмыкнул:

– Узнаешь все в свое время, Ада.

Я села в машину, подождала, пока сядет он, и озадаченно уточнила:

– Это запретная информация?

– В каком-то смысле, – улыбнулся Меф, выруливая на дорогу. – Просто в Одассосе... как бы сказать, магия маленьких дворишков. Знакомиться надо лично, когда смотришь на человека. Ну, или на нечеловека, это уже совсем неважно, какой он расы и происхождения.

– А что будет, если я, допустим, узнаю это из твоих уст? Или тетушки Сарабунды?

– Рискуешь никогда с ними не встретиться, – хмыкнул Меф. – Тут на каждом шагу аномалии и традиции. Не соблюдешь одни – вляпаешься в другие. Это только с первого взгляда кажется, что нет никаких правил. К тому же, согласишься, первое впечатление о человеке надо составлять самостоятельно.

Я покосилась на него.

– Да-а-а, – протянула, – как с тобой.

Меф сделал вид, что не расслышал. А возможно, решил вести себя хорошо. На мгновение мне стало немного не по себе. Беся, кстати, со мной не пошел, видимо, так и дрыхнет в свое удовольствие на кровати. А он был единственным моим защитником. С другой стороны, и Цира, и тетушка Сарабунда заверяли, что Меф будет вести себя прилично. Что ж, попробую довериться. Во всяком случае, пока ничего подозрительного не происходило.

Мы ехали по узкой улочке. Солнце заливало яркие домики, припекало затылок. С маленького ажурного балкона свесилась хорошенькая брюнетка, сверкнула очаровательной улыбкой:

- Привет, Меф! Загляни ко мне на обратном пути!

- Обязательно, Люсинда! - отозвался он и послал ей воздушный поцелуй.

- И ко мне тоже! - раздался с другой стороны девичий голосок.

Повернув голову, я увидела кудрявую мулаточку, которая вышла из дома и помахала ему рукой.

- Непременно, Карина! - ни капли не смутился Меф и поиграл бровями.

При этом спокойно рулил одной рукой и даже не смотрел на дорогу. Пришлось ткнуть его локтем в бок.

- Не ревнуй, красоточка, - донеслось звенящее сопрано из фургончика, где бойко шла торговля цветами. - Его на всех хватит!

Рассмотреть девушку толком не удалось, ибо Меф уже повернул. При этом на его красивом лице было такое самодовольное выражение, что тут же захотелось срочно раздобыть еще одну лейку и от души треснуть по... мужскому самолюбию.

- Не надо на меня так смотреть, словно хочешь съесть, - промурлыкал он. - Я же знаю, что тебе нравлюсь.

- Ага, как пособие на тему «Мальчики, никогда так не делайте», - согласилась я.

Меф примолк, делая вид, что увлечен дорогой. Вот и правильно, нечего выпендриваться. И пусть в твоих венах течет кровь инкубов и просто кобелей, я тоже не лыком шита. Поэтому рули себе и... рули.

Спустя минут пятнадцать мы оказались на улице с огромным количеством магазинов, лавочек и открытых прилавков. Торговали всем на свете. При этом

совершенно не возникало ощущения, что мы попали на рынок.

- Приехали, - оповестил Меф, притормаживая у симпатичного магазина со стеклянными витринами, где стояли манекены в разных нарядах. - Конечно, это не единственное место, где можно побывать, но Швейка свое дело знает прекрасно. Поэтому начнем с нее.

Мы вошли в прохладный зал: справа - примерочные, по центру одежда-одежда-одежда, слева - диванчики. Большие зеркала на стенах, в воздухе аромат хвои. Весьма уютно.

- Дорогая, - вкрадчиво шепнул Меф, положив руку мне на плечо, - выбирай что хочешь. Я все куплю.

- Все, что пожелаю? - приподняла я бровь.

- Все, - подтвердил он, глядя на меня, словно кот на сметану.

Хм-м... Мужчины! Никогда не раскрывайте на всю ширину свой кошелек перед женщиной, которая хочет вам отомстить! Она же воспользуется, черт подери!

Но Меф пока еще не подозревал о моем коварстве. Хороший мальчик. Кажется, в такие моменты в меня вселялся дух покойной бабушки, которая твердила, что много одежды не бывает.

Пока я размышляла, появилась Швейка. Очень приятная женщина средних лет и волнующих форм. Она улыбнулась Мефу, потом перевела внимательный взгляд на меня.

- Доброго дня, - поздоровалась низким грудным голосом. - Слушаю вас. Что желаете приобрести?

- Желаем, - лучезарно улыбнулся Меф, - все, что захочет эта прекрасная леди.

Говорил он настолько искренне, что я поверила. И на этом решила считать себя женщиной доверчивой и не выпендриваться.

Швейка посмотрела на меня снова. В темных глазах появилось понимание, красивые губы изогнулись в улыбке, такой... понимаемой только женщинами.

- Меф, твоя щедрость не знает границ.

- И никогда не знала, - гордо сообщил он, словно кто-то смел в этом сомневаться.

Я покосилась на него. Ну-ну, наивное дитя ада, проверим твою щедрость на прочность. И нервы тоже.

- Я сейчас позову мальчиков, - вдруг сказала Швейка. - Они помогут... как тебя зовут, красавица?

- Ада, - тут же выпалила я, превращаясь в слух. Мальчиков?

- Так вот, Ада, - кивнула Швейка, - они помогут выбрать что надо. А потом, Меф, мы с тобой поболтаем.

Она скрылась из виду в боковой комнате. Я почувствовала, что начинаю немного нервничать. Обычно так покупки не совершаются. Все разыгрывается по древнейшему ритуалу: «Мужчина женщину привел, мужчина смотрит женщину в нарядах, мужчина не может сбежать». А тут какие-то мальчики... Да и Меф что-то совсем не выглядит удрученным, в отличие от наших мужчин. Перед мысленным взором предстала Жанка, которая раз потянула меня с собой за платьем и взяла кошелек, тьфу, ухажера. Это был именно тот раз, когда ухажера мне было жалко с большой буквы. И хотелось принести ему пива, креветок и команду футболистов. Но Жанка была непреклонна, и идею о спасении бедного мужчины пришлось отставить.

- Ну, наслаждайся, - улыбнулся вдруг Меф и ласково похлопал меня по плечу.

После этого оказался на одном из диванчиков, закинул ногу на ногу и улыбнулся вновь появившейся в зале Швейке.

Но мне уже было не до этого. Потому что возле каждой стойки с одеждой стояло по мускулистому юноше с обнаженным торсом и таким взглядом, словно его

обладатель всю жизнь ждал только меня. Блондин, брюнет, парень с горячей восточной кровью и темнокожий красавец, на которого хотелось смотреть и смотреть.

По телу пробежала горячая волна, на щеках, кажется, появился румянец, коленки дрогнули.

«Ада Адольфовна, – мысленно приказала я себе, – возьми себя в руки. Ты же взрослая женщина, ты не должна так реагировать на сильное и загорелое, подтянутое и соблазнительное мужское тело... Стоп! Кому не должна?»

– Прошу, Ада, – мягко улыбнулся ангелоподобный блондин. – Начнем с летних вещей?

Сообразив, что он стоит возле миленьких платьишек и сарафанчиков, я быстро кивнула. Потому что брюнет находился возле джинсов и рубашек, восточный мужчина – рядом с обувной выкладкой, а мулат...

Я сглотнула. Возле нижнего белья. Да тут рядом с ним неловко будет брать в руки все это кружево!

Набравшись храбрости, я выпрямилась, гордо выставила вперед оружие массового поражения, то бишь бюст четвертого размера, и пошла вдоль ряда с вешалками.

Все, что я выбирала, тут же оказывалось в сильных руках блондина. Каким-то образом он умудрялся своими комментариями и советами не действовать мне на нервы, а наоборот – помогать сделать выбор.

В итоге получилось как-то многовато вещей... И это только платьев и сарафанов.

«Не слишком ли жестоко для мести?» – спросила совесть.

«Черт, слишком», – внезапно согласилась жадность, и я чуть не споткнулась от неожиданности.

«Я только померяю», – искренне заверила я обеих и шмыгнула в примерочную.

С тех пор как Бог сотворил женщину и подарил ей платье, он значительно сэкономил на ее досуге, оставшись без непосильной задачи его постоянно скрашивать. Все очень просто. Берете женщину, берете мероприятие и даете выбор между двумя нарядами. Профит.

Женщина при деле, мужчина при газете, в доме покой и тишина. Определенное время, конечно. Значительно продлевается момент покоя и тишины, когда не два наряда, а, например, целый гардероб.

В примерочную, кроме меня, никто не рвался. Однако присутствие готового в любую секунду войти и «помочь» блондина ощущалось буквально кожей. Я вдруг осознала, что мне это нравится. В наших магазинах женской одежды определенно не хватает мужчин! Вот именно таких, которые говорят низким сексуальным голосом и смотрят на тебя так, словно ты королева. И готовы в любой миг поправить бретельку на плече, поясок на талии или складочку на бедре.

Я взяла красный сарафан и посмотрела на себя в зеркало. Отражение ничего такое, мне нравится. Был период, когда рыдала и страдала, что не соответствую модельным стандартам. Грудь слишком большая, талия не слишком тонкая, бедра недостаточно крутые, ноги длиннее, чем надо. А потом... Ну и что? Не всем быть в музее стандартов, надо уметь пользоваться теми данными, которыми наградила природа, пусть она и делала это броском через плечо и с воплями убегая в закат.

Зато у меня большие прозрачные зеленые глаза. И личико вполне привлекательное, с возрастом даже становлюсь лучше, чем была в юности. Волосы красивые, густые, очень светлые, считай, натуральная блондинка. Ни на длину, ни на благородные волны не жалею, даже не надо прибегать к магии плоек и бигуди, чтобы прилично выглядеть. Достаточно просто распустить и расчесать.

Вот скулы высоковаты, губы тоньше, чем хотелось бы. Отчего, когда я улыбаюсь, может возникнуть ощущение, что скорее злорадствую, нежели искренне радуюсь. Правда, такое обычно происходит в моменты, когда глаза холодны, а в мыслях: «Чтоб ты провалился, сволочь».

– Ада, может, что-то нужно? – любезно поинтересовался помощник за шторкой примерочной.

Как бы ни хотелось, чтобы он помог мне надеть, а потом все снять, пришлось вежливо отказаться и взяться за одежду самой. Впрочем, у меня получалось весьма неплохо.

Время шло, вещей прибавлялось, кошелек Мефа утончался. Меня ни словом, ни взглядом не попрекнули, поэтому я серьезно задумалась: что-то делаю не так. Ладно, исправим. Оторвалась, когда пошла подбирать нижнее белье. Мальчишки-продавцы наперебой предлагали помочь, но Меф решительным жестом отодвинул их и приготовился помогать сам. Не менее решительным жестом я отодвинула самого Мефа и, получая ни с чем не сравнимое удовольствие, скрылась в кабинке.

Через некоторое время услышала сдавленный шепот:

– Платья, джинсы, блузки, костюмы... И это все только ей?!

– Да, – донесся приятный баритон, кажется, ответил восточный мужчина. – Ваша дама все это отложила.

Меф обреченно застонал. Я радостно потерла ладони. Так тебе и надо! А то придумал знакомиться с соседками, распуская руки. И вообще, милый, пора бы знать, что женщина – существо хозяйственное. Она даже йогуртнице-сушилке с функцией мухобойки найдет применение! Не то что стопке одежды!

По окончании мероприятия Меф уже не так сверкал улыбкой, однако все равно пытался держать лицо. За что, пожалуй, стоило его поцеловать. Если попросит.

Швейка разве что не утирала слезы умиления и не махала нам платочком вслед. Красавчики-мальчишки выстроились в ряд и провожали меня воздушными поцелуями. А Мефа – сочувственными взглядами.

Господи, какой прекрасный фансервис. Почему у нас так не делают? Ведь доходы магазина однозначно увеличатся!

Меф загрузил пакеты и коробки в машину.

– Ты, случайно, шопоголизмом не страдаешь? – невозмутимо поинтересовался он.

– Я им наслаждаюсь, – лучезарно улыбнулась я. – Особенно после того, как мне говорят, что не нужно себя ни в чем ограничивать!

Меф выругался на каком-то незнакомом языке.

– Ты мне тоже очень симпатичен, – кивнула я и тут же деловито уточнила: – Квиты?

– Квиты, – тут же согласился он. – Пока что ты самая дорогая из всех женщин Одассоса, с которыми мне приходилось иметь дело.

– Все бывает в первый раз, – философски отметила я и тут же забыла, что хотела сказать.

Потому что случайно посмотрела на фонарный столб и увидела розовый квадратик объявления.

Подошла ближе, игнорируя озадаченного Мефа, который, кажется, предпочитал теперь помалкивать и ничего не предлагать, чтобы потом самому не пришлось это оплачивать.

Объявление гласило: «Срочно требуется секретарь в брачное агентство «Асмодей». Зарплата договорная, гибкий график работы, дружный коллектив, незабываемые ощущения на работе».

Конечно, последнее было сформулировано очень подозрительно, но мне стало интересно. К тому же мой профиль работы! Знаю, что и как. Работа все равно понадобится, так почему бы не попробовать?

Оторвав бумажку с номером телефона, я сделала шаг назад и врезалась в Мефа.

– Вот ты и в моих объятиях, – хмыкнул он, поддерживая меня под локоток. – Что там вычитала?

– Работа, – помахала я бумажкой перед его носом. – Надо как-то зарабатывать.

Он закатил глаза.

– Ада, найди себе мужика, и будет все. Работа – вообще не женское дело.

– Грязный сексист, – поморщилась я.

– Неправда, я принимал душ, – не смутился он.

А потом двумя пальцами отобрал у меня бумажку и вчитался. Судя по выражению лица, Меф был не в восторге. Но без лишних комментариев сунул бумажку обратно мне в ладонь.

– Ладно, – вдруг покладисто согласился он. – В жизни надо попробовать все. Поехали.

– А корм для бесенок? – невинно напомнила я.

Он только обреченно вздохнул и кивнул:

– Заедем, торгуют с другой стороны этой улицы. Хотя, как ты понимаешь, корма у тетушки Сарабунды предостаточно. Ей просто охота поиздеваться надо мной, бедным и несчастным.

– Ни на бедного, ни на несчастного ты не похож, – заметила я, распаковывая коробку с новенькими темными очками, которые превращали меня не то чтобы в кинозвезду, но в очень уважаемую женщину.

– Ну... глубоко в душе, – пошел на попятный Меф. – В конце концов, у меня очень тонкая душевная конституция...

– Которую ты не соблюдаешь, – в тон ему продолжила я.

Дальнейший путь прошел в относительном молчании. Меф, кажется, не очень любил, когда женщины противоречат. А я – когда мужчины умничают.

Поэтому, закупив корм «Бесь-бесь», мы уложили мешок в багажник и отправились домой, еще даже не подозревая, что там нас ждет очередной сюрприз.

Глава 5. Всего пять?

В этот раз мне никто не снился, букетов на порог не клали, даже беся не толкал во сне. Может, причиной моего глубокого сна был значительный поход по магазинам и примерка нарядов до полуночи, потому что тетушка Сарабунда хотела посмотреть «как сидит». Когда за спиной оставалась треть перемеренных вещей, к нам пришла Цира и сказала, что тоже хочет смотреть. Потому что ей жутко любопытно, как я довела Мефа до такого несчастного состояния, что он даже не пытался заигрывать с молоденькой клиенткой, пришедшей к Цире на сеанс. А это, знаете, на него совсем не похоже!

Мне стало стыдно на какую-то долю секунды, но... доля секунды проходит быстро, поэтому скоро я вернулась в нормальное состояние. Хотя бы раз в жизни каждой женщине должен попасться такой Мудофель, чтобы после она смогла ощутить себя королевой. А? Что делать, если Мудофель идет в одиночку? Гнать его, милые. Лейкой, сковородкой и плотояднем. Тогда и себе нервы сэкономите, и его в мысли блудливые не введете.

В общем, примерка затянулась. Ведь это извечные женские радость и удовольствие, которые совершенно невозможно втиснуть в короткие сроки. Особенно когда с вами две женщины, которые активно комментируют, дают советы и откровенно наслаждаются происходящим.

И как были все довольны ночью, так не хотелось вставать сейчас. Я отчаянно зевала и уговаривала себя открыть глаза. А потом попытаться принять сидячее положение, помедитировать на стену, а потом с тем же задором беременной гусеницы выбраться из комнаты и добраться до душа. Там холодная вода, там лавандовое мыло, туда вечно норовит влезть беся, чтобы побрызгаться водичкой, поиграть резиновой уточкой и потом, шлепая мокрыми лапами,

удирать от меня. Утренние водные процедуры приобретали море позитива и море воды... в ванной. Но тетушка Сарабунда очень любила этого мелкого безобразника, поэтому разрешала ему практически все.

С кухни, как всегда, раздавались какие-то звуки. Судя по всему, завтрак я продрыхла, поэтому сейчас уже то ли убиралась посуда, то ли велась беседа с плотоядьями. Кто его знает, может, им купили мозаику и ферму с белыми коровками. Должен же быть у цветочков какой-то досуг, кроме стихов и еды!

Убедив себя прекратить валяться на кровати, я открыла глаза и посмотрела на залитую солнечным светом комнату. Да уж, нельзя так. Надо брать себя в руки, а то вообще разленилась. Ну, ничего, найду работу, лежать с утра подолгу в постели не смогу.

В соседней комнате что-то с глухим стуком упало. Нахмурившись, я подхватила халат и вышла из своей. Заглянув туда, где до сих пор благоухали розы от неизвестного дарителя, я замерла на пороге и, вытянув шею, попыталась рассмотреть, что приключилось. Вроде ничего такого. Вещи на своих местах, ничего не лежит на полу, розы пахнут, солнышко светит.

Неожиданно из-за вазы с неприличными мальчиками показалось нечто большое, стоячее и сексуально изогнутое. Черное. Мохнатое. Я моргнула, понимая, что что-то пошло не так. И это... это...

– А-а-а-а! – с визгом вылетела я из комнаты прямо на кухню, в несколько прыжков миновав коридор.

– А-а-а-а! – заорал в ответ неизвестно откуда взявшийся там обнаженный мужчина.

Мы одновременно захлопнули рты и внимательно посмотрели друг на друга.

Так, мужчина совершенно незнакомый и уже не такой обнаженный. Бирюзовые семейники, бежевый халат, домашние тапки в виде собак. Визави был... круглым. Такой весьма приятной круглоты щек, плеч и животика. С лысинкой и очень добрыми ореховыми глазами за стеклами очков с тонкой золотой оправой. В его руках были странные инструменты, что-то среднее между хирургическими и стоматологическими.

– Доброе утро, – неожиданно поздоровался он приятным, чуть низковатым голосом. – Вы Адочка?

Мое имя прозвучало как-то так мягко и тепло, что я вмиг позабыла про странные предметы в комнате и вообще почувствовала себя спокойно.

– Д-да, – кивнула я. – А, простите, вы кто?

– Ванцепуп Птолемеевич, – невозмутимо ответил он.

Я только захлопала глазами, пытаюсь понять, что только что услышала и что это было.

Размышления прервали плотоядни, которые изо всех сил застучали листьями по подоконнику и принялись издавать неприличный свист.

Ванце... кхм, мужчина обернулся к ним и укоризненно произнес:

– Как вам не стыдно, цветики. Разве так можно?

«Цветики» сделали вид, что это их не касается.

– Адочка, вы не переживайте, – мягко сказал он, – я не вор или какой-нибудь лиходея. Зашел по просьбе тетушки Сарабунды на процедуры для плотоядней. Видите ли, их надо каждый сезон проверять, а то идут нехорошие отложения и...

Плотоядни снова заколотили кожистыми листьями по горшкам и подоконнику.

– Сзади! Он сзади! – заверещали они все сразу.

Я обернулась – на меня надвигалось нечто огромное и черное. Заверещав от ужаса, я впрыгнула на руки Ванцепупу Птолемеевичу, он охнул, качнулся... И грохнулся на пол. Большое и черное истерично взвизгнуло и метнулось в комнату, скомкав дорожку и уронив вешалку, с грохотом завалившуюся на пол.

– Ванчик! – раздался возмущенный голос тетушки Сарабунды, которая выглянула из окна. – Я тебя позвала лечить, а не щупать!

До меня дошло достаточно быстро: она попросту стоит на лестнице, которая ведет во двор, и поэтому спокойно может заглянуть в окно своей кухни. На тетушке Сарабунде была кокетливая розовая косыночка, яркий сарафан и... да, во рту – неизменная сигара.

Деловито оглядев нашу скульптурную группу, моя хозяйка цокнула языком:

– Все им молоденьких подавай, все руки тянут к мягкому, гладкому, приятному. Кобели эти мужики, я говорю.

– Извините, – пробормотала я, – отпустите, пожалуйста.

Ванцепуп Птолемеевич аккуратно поставил меня на ноги.

– Ничего такого не было, – сказал он, обращаясь к тетушке Сарабунде. – Адочка сама запрыгнула на меня.

Суть передана верно, но формулировка оставляла желать лучшего. Правда, стоит отметить, что сказано все это было на удивление спокойно, без малейшего намека на какие-то интимные интонации. Даже странно, особенно после Мудофеля. Пардон, Мефа.

– Что случилось? – поинтересовалась тетушка Сарабунда.

– Что-то большое, страшное и черное у вас в комнате! – выпалила я.

Она нахмурилась. Потом ухватила за сердце:

– Адочка, там же Моня! А он очень душевный и трогательный! Только не говори, что ты его напугала!

Плотоядни заворчали, давая понять, что Моня не такой уж душевный, но тетушка Сарабунда тут же на них цыкнула.

– Ванчик, как хорошо, что ты пришел! Заодно полечишь нервную систему моему паучку!

Я потеряла дар речи. Па-па-паучку? Такого размера? Тут что, джунгли?

«Давай сваливать?» – энергично предложила моя арахнофобия.

«Подожди, тут неплохо кормят», – возразил здравый разум.

В общем, дальше утро потекло совсем не так, как я планировала. Меня быстро направили в душ и, только когда привела себя в порядок, дали выпить кофе. А потом отправили на поиск Мони. Как оказалось, паук из рода гарагуртовых побаивался женщин. Но при этом его неизменно к ним тянуло, ничего с пагубной страстью он поделаться не мог.

Выяснилось, что Моня с перепугу залетел под мою кровать и наотрез отказывался выходить. Ни уговоры тетушки Сарабунды, ни обещания Ванцепупа Птолемеевича ни к чему не привели. В итоге мне в руки сунули палку колбасы и велели выманивать боязного из-под кровати.

И вот второй час я пыталась уговорить огромное и мохнатое мамочки-не-знаю-что выбраться на свет божий. Не помогли ни эротичные помахивания колбасой, ни рассказы о вкусном завтраке, ни скачки на кровати беси, который всеми силами пытался помочь мне избавиться от Мони.

Последний угрюмо хранил молчание и делал вид, что его там нет. Я уже медленно начинала закипать, потому что совсем иначе планировала сегодняшний день.

– Если ты не выйдешь, я буду петь, – пригрозила я.

Беся с интересом посмотрел на меня. Из-под кровати вдруг послышалось подозрительное шуршание:

– А какой у вас репертуар? Из-извините, пожалуйста...

От неожиданности я выронила из рук колбасу. Беся тут же сориентировался и уволок палку в безопасное место.

- А какой предпочитаете? - осторожно поинтересовалась я.

- Что-нибудь популярное, - тут же донесся ответ. - Грусть-тоску хочу развеять.

Да уж, мы, кажется, тут все утро не грустим. Но у Мони явно свои мысли по этому поводу.

- Так что вы можете? - поинтересовался он. - Нечто неоднозначное, берущее за душу, но на волне мейнстрима?

Ничего себе запросы!

Я задумалась. Вообще-то трезвая я пою плохо. Это объективное суждение, ничего не поделаешь. В хмельном состоянии я пою тоже плохо, но в силу пребывания в приподнятом настроении и уверенности, что могу все, это ощущение как-то притупляется.

- Как певунья - я не очень, - честно призналась Моне.

- И-извините, пожалуйста, - тут же раздалось печально, и донесся горестный вздох.

Некоторое время мы помолчали. Потом раздалось недовольное сопение.

- Скажите вашему бесу, чтобы перестал тыкать в меня колбасой. Это неприлично.

Так вот чего он притих!

- Беся! - рявкнула я.

Тот показался перед моими глазами и сделал вид, что раскаивается. Колбаса, кстати, была уже хорошенько надкусана.

– Значит, как пойти со мной в магазин – так нет! Кстати, почему не пошел? – вспомнила я. Ведь вчера так и не спросила его, все некогда было.

– Ленился, – вдруг донеслось из-под кровати. – Я все видел.

Я хмыкнула. Вот ябеды все в этом доме.

– Уважаемый Моня, может, вы все-таки выйдете? Я попробую спеть. Даже то, что вы пожелаете. И можем это... погулять по городу, вот!

– И до залива? – вдруг оживился Моня.

– И до залива, – заверила я.

– Ура-а-а! – заорал он, потом что-то гулко ударило о низ кровати.

Судя по всему, от радости Моня прыгнул и врезался в нее. Стоп. У пауков есть темечко?

Беся тоненько и мерзко захихикал.

– И-извините, пожалуйста, – снова со вздохом произнес Моня.

Я молча отобрала у беси колбасу и откусила с нетронутой стороны. Жизнь и правда обещала быть веселой.

* * *

После того как Моню все же изъяли из моей комнаты, повязали слюнявчик и усадили за стол, все пошло как-то лучше. Я познакомилась с Ванцепупом Птолемеевичем, принадлежащим к роду медицинских светил с гордой фамилией Забульгер. Узнала, что сюда он приезжает в отпуск, потому что работает в большом городе.

Моня и беся тем временем усердно чавкали и слушали нас. Тетушка Сарабунда шикала на плотоядни, которые то и дело норовили плюнуть в Моню семенами.

Моня не терялся и, бормоча: «Из-звините, пожалуйста», – швырялся в плотьядней кусочками сыра и яичницы. Периодически и он, и цветы получали смачные оплеухи от разгневанной хозяйки и на некоторое время успокаивались. Но лишь на некоторое.

Ванцепуп Птолемеевич вел себя на диво доброжелательно, спокойно смотрел на происходящее и, кажется, совершенно не собирался пугаться или нервничать. Хотя... если он тут с ними постоянно живет, то ничего удивительного. Когда же разговор дошел до того, как я, такая прекрасная и неоднозначная, оказалась в их мире, пришлось об этом рассказать. Но стоило упомянуть про работу, Ванцепуп Птолемеевич задумался:

– Сарабунда, милая, что же ты ничего не сказала Адочке про справку?

– Какую справку? – насторожилась я.

Тетушка Сарабунда тем временем вытирала полотенцем заевшегося Моню и бурчала нечто невразумительное, потом вздохнула:

– Забыла, Ванчик, старая стала. А ты у нас что? Доктор ты или где? Давай, бери Аду и уже что-то с ней сделай.

Я сделала глоток кофе и закашлялась. Ванцепуп Птолемеевич посмотрел на меня добрыми глазами, покачал головой и вздохнул:

– Адочка, не пугайся. Я хороший врач и ничего страшного не сделаю. Я вообще к пациентам отношусь нормально, ибо не патологоанатом.

– Звучит успокаивающе, – пробормотала я.

– Патологоанатом патологоанатому рознь... из-звините, пожалуйста.

– Моня! – в три голоса выкрикнули мы.

Паук смутился и принялся за молочную кашу.

Какой ужас. До меня только сейчас дошло, что все, кто живет в доме тетушки Сарабунды, едят в нереальном количестве. Это же страх какой-то! Как только она справляется и зарабатывает на всех?

- Мне надо позвонить, - все же собралась я с духом. - И если мне не откажут, то пойдем за справкой.

Мои собеседники переглянулись. Потом синхронно кивнули, одобряя решение. Я выскользнула из-за стола и поспешила к телефону. Пока в доме царит относительное спокойствие, надо этим воспользоваться.

Пока я набирала номер, услышала разговор:

- С ней надо что-то делать, Ванчик. Мудофель сказал, что она невинна. Но сама Ада возражает. Как такое может быть?

- Сарабунда, немножко девственниц не бывает!

- А если подумать?

Повисла тишина. Я даже забыла, что крутила диск телефона. Да, тут был древний аппарат позитивного канареечно-желтого цвета. Диск, правда, крутился настолько быстро, что я еле успевала его приостанавливать. Но после услышанного замерла изваянием. Потому что на предмет девственности уже не раз говорили. Фиг с ним, с Мефом. Он почти инкуб и не почти кобель. Но все равно. На лбу у меня ничего не написано. (А даже и если б было написано, то это чистая ложь.)

- Да вот думаю, - вздохнул Ванцепуп Птолемеевич.

- Ты же понимаешь, чем это грозит? Тут отбоя не будет! А кому нужен этот гембель?

- Натравишь на них Моню.

- Нет... из-звините, пож...

– Цыц! – рявкнула тетушка Сарабунда, и я чуть не подпрыгнула, даже будучи за стенкой.

Ладно, подслушивать нехорошо. Пусть даже и не специально. Сейчас позвоню, а потом уединюсь... тьфу, поговорю с доктором. На вид мужик нормальный, авось донесет мне, почему я тут записана в трепетные и невинные.

Разговор, на удивление, прошел весьма быстро и приятно. Меня поприветствовал звонкий девичий голосок, выслушал и сообщил, куда приходиться. На мой осторожный вопрос, почему не интересуются моими профессиональными качествами, девушка ответила, что начальство проводит собеседования только тет-а-тет. Поразмыслив, я записала адрес. В конце концов, это другой мир. Магазины одежды от наших однозначно отличаются! Значит, вполне реально, что и прием на работу другой.

С Ванцепупом Птолемеевичем мы вышли из квартиры вместе. Он жил под нами, так что далеко идти не пришлось. Беся увязался за мной. Я хотела было шикнуть на него, но доктор Айболи... то есть Забульгер покачал головой:

– Что ты, Адочка, пусть идет. Он давно не был у меня, последний раз вообще крошкой был. Пусть поиграет.

Я подозрительно покосилась на собеседника. Так-так, быть беде. Игры беси – весьма специфическое занятие. Кажется, буду бегать за ним по всей квартире и держать за хвост.

Беся явно заподозрил что-то нехорошее. Посмотрел на меня, ухватил за руку и заскакал рядом.

Квартира у Ванцепупа Птолемеевича оказалась весьма миленькой. Светлая, достаточно просторная, со всякими уютными штучками: комодиками, коврами, картинами. И все так чисто, аккуратно. Видимо, никакой живности тут нет. Иначе квартира была бы в более печальном состоянии. Но я тут же вспомнила, что доктор сюда приезжает не так часто, поэтому с животными здесь попросту некому возиться.

Меня провели в комнату, отделанную в бежевых тонах, и указали кивком на стул возле стола из светлого дерева:

– Присаживайся, Адочка. Я сейчас.

Доктор исчез за ширмочкой, разделявшей комнату на две части.

Я почему-то занервничала. Нет, ничего похожего на гинекологическое кресло в комнате не было. Не сказать, что его вид меня успокоил бы, но дал бы хоть какую определенность. Так что занервничала я еще больше. Все тут не так, как у людей.

За ширмочкой раздавались подозрительные шорохи. Почему-то захотелось что-то погрызть: то ли ногти, то ли бесин хвост. Учítывая, что ни тем ни другим я никогда не занималась, выбор был невелик, но заманчив. Кстати, беся.

Я начала оглядываться в поисках хвостатого безобразника. Его нигде не было. Я занервничала сильнее. Даже настолько, что готова была позвать Мефа на помощь.

Ширма отъехала со зловещим шелестом. Я уже приготовилась падать в обморок, но... Ванцепуп Птолемеевич вышел с большущей стопкой папок в руках. В белом халате и с каким-то внушительным кристаллом на шее, переливающимся нежно-сиреневым светом. Я залюбовалась и передумала про обморок. Причин точно нет.

И вдруг совершенно неожиданно даже для себя самой я спросила:

– А у вас в роду были египтяне?

Он положил папки на стол, сел напротив, взял карандаш, задумчиво покрутил в руках. Потом перевел на меня взгляд:

– Много. Но молись, чтобы они сюда не приехали в гости. Ибо этот табор выдержать нереально. Даже я каждую ночь целую фотографию Сфинкса, умоляя, чтобы мое буйное семейство держалось подальше.

«Ага, значит, Сфинкс у них тут тоже есть», – отметила я про себя, решив, что если мне захочется Сфинкса, то его можно пощупать. То есть посмотреть.

– Так, – тем временем сказал Ванцепуп Птолемеевич, – сколько у тебя было мужчин?

Я оторопела от резкой смены темы. Надо бы возмутиться и сказать что-то резкое, но я помнила разговор. К тому же любопытство грызло с невероятной силой. Поэтому я задумалась и осторожно уточнила:

– В смысле физиологического плана или приятного?

Ванцепуп Птолемеевич озадаченно взглянул на меня:

– Можно детальнее?

Тут, как положено каждой приличной девушке, я потупила взор и заскользила пальчиком по крышке стола.

– Про тех, с кем состоялся контакт, или же про тех, с кем было хорошо и состоялся контакт?

Он закатил глаза:

– Адочка, я не Меф, давай, милая, сухие цифры.

Я скромно озвучила. Ванцепуп Птолемеевич присвистнул, потом закашлялся. Я уперла руки в бока.

– Вот только не надо! – грозно начала я. – Вы сами спросили и...

– Всего пять? – перебил он меня.

Мой гнев тут же сменился ступором:

– Всего?

Он отловил барахтавшегося на ковре бесю и усадил его к себе на колени, потом покачал головой. Медленно снял с себя кристалл и вложил мне в ладонь.

– Сожми пальцы, – велел докторским тоном.

Я подчинилась. Кристалл оказался теплым и удивительно гладким. Через пару секунд меня что-то кольнуло, я ойкнула. Нежно-сиреневое сияние обволокло мою руку. Ванцепуп Птолемеевич осторожно забрал кристалл. Хмуρο начал в него всматриваться. Тут же шлепнул по лапкам бесю, который решил сцапать красивый камушек.

– Значит, так, Адочка, – со вздохом сказал он и перевел взгляд на меня. – Теперь все понятно. То, что норма у вас там, в вашем мире, не норма для этого. Поэтому Меф на тебя так отреагировал. А он живет исключительно законами нашего Одассоса.

Я даже забыла, как дышать. Кое о чем начала уже догадываться, но... нет, пусть он сам скажет.

Беся тем временем выполз на стол и полез к папкам. Я ухватила его двумя руками и притянула к себе. Меня одарили крайне возмущенным взглядом, но, увидев, что шутить я не собираюсь, бесенок склонил голову с рожками.

– Адочка, ты физически абсолютно здорова. То ли аномалия повлияла на тебя при переносе в этот мир, то ли наследственное. Нервная система крепкая, разум вменяемый, тело соблазнительное.

Я хмыкнула и погладила бесю по спинке. Тот несколько секунд посидел с прикрытыми глазами, а потом нагло развалился у меня на коленях и подставил пузико. Я намек поняла и погладила мягкое мохнатенькое пузико личного беса-искусителя.

– Но есть деталь, Адочка, – продолжил Ванцепуп Птолемеевич, снова вешая кристалл на шею. – В нашем мире много женщин. Но мужчин – больше. Собственно, поэтому сюда женщины падают почаще. Видимо, мироздание как-то учитывает потребность в прекрасном поле.

– Так что за деталь? – поторопила я, чувствуя, что сейчас от нетерпения все же укушу бесю за хвост. Неэстетично и негигиенично, но нервы не железные!

– Деталь в том, что пять мужчин... – Он укоризненно посмотрел на меня. – Тут никто не считает такими цифрами. Так что ты, можно сказать, нетронутая девушка.

Повисла тишина. Я соображала. Беся замер и, кажется, тоже переваривал информацию.

– Но... там... тут... у нас, – путаясь, начала я, – после первого раза уже не девушка!

Ванцепуп Птолемеевич побледнел, потом вздохнул:

– Какой жестокий мир, Адочка. Какой жестокий!

Мне сказать было нечего. Ему тоже. Со двора раздался шум мотора подъехавшего автомобиля. Наверное, Меф.

– То есть... – шепотом, потому что голос вдруг куда-то пропал, произнесла я, – я – девственница?

– Немножко, – тоже прошептал Ванцепуп Птолемеевич.

Снова тишина. Мысли, много мыслей. Как бы их все собрать в кучу.

– А это опасно тут? – наконец-то сформулировала я вопрос.

– Для жизни – нет, – успокоил он. – Но отбоя от противоположного пола не будет. Поэтому будь осторожна. Для демонов аромат невинности – самый сладкий на свете. А они все же мужчины красивые, поэтому устоять практически невозможно.

Неожиданная весть начала приобретать соблазнительные формы. Может, если не у себя, так в этом мире наконец-то налажу личную жизнь?

– Адочка, мне что-то не нравится твое выражение лица, – поделился наблюдениями Ванцепуп Птолемеевич.

Но меня уже было не сбить с пути истинного.

Глава 6. Неожиданное знакомство и прожорливый беся

И вот теперь я стояла перед тремя демонами и ждала их вердикта. Беся нагло пользовался пологом невидимости, поэтому даже не подумал поменять вызывающую позу, сесть ровненько и перестать дымить. Не то чтобы меня смущал лавандовый дым, сигары тетушки Сарабунды имели куда более ядреный запах, но вдруг его учуют демоны? То есть начальники. А работа мне нужна. Не так прям чтобы до ужаса, до безобразия, до смерти, но... нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/komarova_marina/sekretar-demonna-ili-brak-zaklyuchaetsya-v-adu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)